PG 3337
.K635 K7

1839

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

ДРУГУ МОЕЙ МОЛОДОСТИ

АНДРЕЮ СЕРГѢЕВИЧУ

ЛАШКАРЕВУ.

Doch, sollt' uns nicht die Nectartraube schmecken,
Weil ein Insect aus ihrem Purpur kroch?
Der Mißbrauch soll nicht unser Urtheil leiten,
Als ist der Spruch, zu selten sein Gebrauch!
Säugt nicht aus gleichen Rosenstrauch
Die Raupe Gift, die Biene Süssigkeiten?

Wieland, Philosophie der Grazien.

Korsakov, Petr Aleksandr
vich.

КРЕОЛКА

Kreolka i evropeets?

и

ЕВРОПЕЕЦЪ.

Сочиненіе

Петра Корсакова.

«De Wegen der Voorzienigheid zyn donker, maer goed.»

Abraham Vereul.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи И. Глазунова и к°.

1839.

PG
PG3337
.K635K7
1839

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 8 Февраля 1839 года.

Цензоръ С. Куторга.

ЛЮБЕЗНЫЙ ДРУГЪ!

Послѣ тридцатилѣтней разлуки, судьба свела насъ опять съ тобою. Это свиданіе было также радостно, какъ искренна была наша дружба: оно возобновило много горькихъ и сладостныхъ воспоминаній. Ты доказываешь на дѣлѣ истину—

что чувства сердца не старѣютъ отъ времени, не умираютъ въ разлукѣ: дружба юноши осталась неизмѣнною въ мужѣ. Наше былое ожило въ настоящемъ. Мнѣ захотѣлось поговорить съ тобою объ этомъ былом; поговорить печатно.... И вотъ тебѣ печатный отрывокъ изъ воспоминаній моихъ о Голландіи!

Два ужасныхъ событія съ фонъ Г..... и Б....., о которыхъ, и тебѣ и мнѣ, неоднажды разсказывали въ Амстер-

дамъ, показались мнѣ канвой, приличной для романа и я — рѣшился воспользоваться ими, — разумѣется — не безъ измѣненій и прибавленій, допускаемыхъ правомъ романиста. Мнѣ хотѣлось также прибавить, къ сухому разсказу о происшествіяхъ, нѣсколько подробностей о странѣ, гдѣ мы провели съ тобою лучшее время нашей молодости, золотую пору несбывшихся надеждъ. Если ты найдешь, что характеры лицъ и

очерки мѣстностей вѣрно схвачены съ натуры, — я достигъ цѣли. Остальную часть труда моего предоставляю просвѣщенному суду публики и журналистовъ. Безпристрастную критику встрѣчу съ уваженіемъ, похвалу примму съ благодарностью, отъ пасквилей.... не повѣшусь! И по всѣмъ симъ уваженіямъ, какъ говорятъ и пишутъ наши канцеляристы, не стану прятаться за занавѣсъ псевдонима, чтобы услужливые

друзья и злонамѣренные недруги отдернули ее въ свое время. К по всѣмъ симъ уваженіямъ, — подписываю просто и четкими буквами родовое имя свое.

ПЕТРЪ КОРСАКОВЪ.

С. Петербургъ,
25 Января 1839 г.

КРЕОЛКА И ЕВРОПЕЕЦЪ.

I.

Занятіе Амстердама.

По праву сильнаго всѣ ваши земли, домы
И все имѣніе стяжаніе Татаръ.

Озеровъ.

Vive la femme et le bon vin,
Et narque à la mélancolie!

Ronde de Table.

Завистливо посматривала Наполеоновская Франція на одну небольшую сосѣднюю землицу, вырванную жителями изъ челюстей океана. Неутомимые эти жители почти всѣ — промышленники или купцы, вторые создатели своей родины, непримиримые враги континентальной системы, довольно ловко обманывали бдительность своихъ сосѣдей. Ни тройная цѣпь таможенной стражи, ни запре-

тительные декреты, ни что ихъ неустрашало. Между тѣмъ, какъ вся Западная Европа, повѣся голову, униженно кланялась предъ желѣзною волею Наполеона, малютка Голландія, подъ покровительствомъ Короля своего Лудовика, преспокойно торговала съ Англіею: покупала, продавала и незаботилась о мечѣ Дамокла, который висѣлъ надъ ея головою. Но это была послѣдняя борьба хитрости съ силой: борьба неровная и опасная. Судорожная жизнь тогдашней Голландіи, очевиднымъ образомъ приближалась къ концу. Обрѣзанная трактатомъ 1809 года, она мало по-малу превращалась въ какой-то миніатюрный силуэтъ, образчикъ Государства. — Уже почти одинъ городъ Амстердамъ съ окрестностями, оставался фантому власти царственной — Лудовику, для исполненія его повелѣній; все прочее было въ рукахъ Удино — Мар-

шала Франціи и Лажонкьера — Генерала Французскихъ таможенныхъ жандармовъ. Какъ бы то ни было, но приличія еще соблюдались: указы правительства издавались отъ имени Короля; министры ѣздили къ нему съ докладомъ; гвардія его ходила въ караулъ, а дипломатическій корпусъ — являясь на королевскія аудіенціи — присутствіемъ своимъ въ Амстердамѣ и сношеніями съ правительствомъ, свидѣтельствовалъ, по крайней мѣрѣ, что престолъ Голландіи не былъ празденъ, и на немъ сидѣлъ еще какой-то титулярный, болѣзненный духомъ и тѣломъ Король, братъ могущественнаго Императора Французовъ. Всякъ сознается, что такое состояніе было невыносимо. Судьбы Голландіи, созрѣвавшія въ тайныхъ помыслахъ Наполеона, закрывались отъ глазъ толпы одною завѣсою приличій, и добродушный Лудовикъ, неимѣя средствъ

избѣгнуть участи, грозившей его Королевству, не находя возможности доставить ему благоденствія, для котораго почиталъ себя призваннымъ, рѣшился самъ разорвать эту роковую завѣсу. — Отреченіемъ въ пользу сына и внезапнымъ побѣгомъ на Востокъ, когда его искали на Сѣверѣ, у переправы въ Гельголандъ, изумилъ онъ цѣлую Европу, и, такъ сказать, бросилъ измученную Голландію прямо въ пасть чудовища, сторожившаго свою добычу. Положеніе этой несчастной страны, постепенно разоряемой наводненіями, истощеніемъ финансовъ, потерею колоній и неимовѣрными пожертвованіями, было впрочемъ до того отчаянно, что самые ревностные патріоты ея не знали: горевать имъ, или радоваться объ исключеніи имени Батавскаго изъ списка самосостоятельныхъ народовъ Европы? И это такъ было справедливо, что тѣ же

члены правительства, которые за нѣсколько дней назадъ, предлагали бывшему Королю Голландіи наводненіе столичныхъ окрестностей и поголовное вооруженіе отечества противъ Французовъ, сами рѣшились послать депутацію на встрѣчу Герцогу Реджіо. — Они привѣтствовали въ лицѣ его вождя храбрыхъ, которые открывали имъ путь къ будущему благоденствію, къ семейному союзу съ великою Имперіею! — Разумѣется, прежде выраженія политическихъ этихъ нѣжностей самымъ напыщеннымъ слогомъ тогдашнихъ привѣтственныхъ рѣчей, сорваны были съ перекрестковъ столицы всѣ прокламаціи бывшаго Короля Лудовика Наполеона и манифесты вновь провозглашеннаго Королемъ младенца Наполеона Лудовика, какъ акты изданные безъ вѣдома Франціи. . . . Да и могло ли случиться иначе? Прежде чѣмъ быть Королемъ, Лу-

довикъ Наполеонъ состоялъ уже въ числѣ оффиціаловъ Имперіи; а званіе коннетабля Франціи украшало всегда его царственный титулъ! На Нидерландскомъ престолѣ не сидѣлъ еще славный потомокъ Вильгельма Нассау-Оранскаго: любовь къ отечеству и любовь къ Королю еще не были тамъ синонимами, какъ въ настоящее время!

Веселѣе, чѣмъ патріотизмъ Голландцевъ — поглядывало лѣтнее солнце на дачи, поля и луга, орошаемые тихоструйнымъ Фехтомъ и мутнымъ Амстелемъ. День былъ довольно жаркой. Передъ Везенскими и Мёйденскими воротами и въ такъ называемомъ *плантажѣ* (*) собирался народъ, и высланные (на встрѣчу Маршалу) Депутаты Временнаго правительства Голландіи: — въ

(*) Родъ *сквера*, служащаго гульбищемъ для города.

числѣ ихъ находился дородный Корнелисъ фанъ Вестбарендрехтъ, именитый гражданинъ Амстердамскій. — Награжденный почетнымъ званіемъ члена Законодательнаго корпуса (de Wettgeeven-de Lichaam), украшенный командорственною звѣздою ордена *Союза* (de Unie), въ замѣнъ потери Суринамскаго своего помѣстья, которое захватили Англичане, — этотъ дородный депутатъ отчасти походилъ на медвѣдя, назначеннаго ex officio — для потѣшной пляски. Затянутый въ шитый мундиръ, распудренный на-бѣло, нетерпѣливо ожидалъ онъ конца своей пытки, и вмѣстѣ съ товарищами своими шепталъ по-тихоньку и въ видѣ проклятія любимое свое слово *Блексомъ* (Bliksom), слово энергическое, замѣняющее по краткости и цѣли своей Англійской Goddam. Съ достовѣрностью полагать было можно, что если бы судьбы народовъ отъ него зависѣли, то Кор-

нелисъ фанъ Вестбарендрехтъ, не преминулъ бы при *сей вѣрной оказіи* отправить и Императора Наполеона и всѣхъ героевъ его великой арміи въ вѣчную откомандировку.

Пока достопочтенный депутатъ переминался съ ноги на ногу и разгуливалъ досаду свою между крашеными футлярами липъ (*), семейство его, преспокойно раскушивало свой чай въ одномъ красивомъ павильонѣ. Оно состояло на ту пору изъ родной сестрицы хозяина сорокалѣтней дѣвицы Розы, не много по-

---

(*) *Плантажъ* (de Plantagie, насажденіе) получилъ имя свое отъ липъ и тополей, усаженныхъ рядами; всѣ они изъ предосторожности заключены снизу въ крашеные деревянные футляры. Липы эти на Голландскихъ набережнахъ замѣняютъ перилы и рѣшетки. Видъ ихъ свѣжъ и опрятенъ: но эта пестрота — не разнообразіе природы; впрочемъ они въ тонѣ Норд-Голландскихъ садовъ, гдѣ на всякомъ шагу встрѣчаются вамъ зеленыя птицы и животныя, выстриженныя изъ густыхъ кустовъ дрока.

блеклой отъ времени, и самаго свѣжинькаго изъ живыхъ цвѣтковъ Батавіи, пятнадцатилѣтней падчерицы Аньесы. Утренніе *Салеты* или дамскіе съѣзды, такъ рѣдки въ Голландіи, что собраніе нѣсколькихъ гостей подъ одною кровлею съ хозяйками, конечно составляло эпоху въ единообразной жизни Амстердамскихъ красавицъ. Но за то, и обращеніе Голландіи въ провинцію Французскую, было также событіемъ необыкновеннымъ! Не могу вамъ хорошенько сказать: всѣ ли красавицы, собранныя въ этомъ павильонѣ командора Корнелиса, раздѣляли Нидерландскія чувства его къ Императору Французовъ; но въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что многія изъ нихъ, заглядывая въ окно на большую Утрехтскую дорогу, непритворно любовались полкомъ конныхъ гренадеровъ. Прекрасныя эти войска дѣлали тогда привалъ у трактира Розен-

бюрхъ, неподалеку отъ павильона. И трактиръ Розенбюрхъ, сборное мѣсто разгульной молодежи и гражданъ Амстердамскихъ, неимѣвшихъ права говорить: «*мой лѣтній домъ; моя загородная дача*» — пестрѣлъ всѣми радужными цвѣтами оружія, мундировъ, эполетовъ, медвѣжьихъ шапокъ и другихъ украшеній корпуса Удино. Въ числѣ этого разнообразія, темнѣлись кое-гдѣ черные и темносиніе долгополые кафтаны Голландскихъ *Хапперовъ* (Gapper, *зѣвака*); но это были необходимые оттѣнки живой картины. Амстердамскіе господа Хапперы, истинное подобіе Парижскихъ зѣвакъ (les badauds de Paris), кромѣ страсти своей къ курительному табаку, — для того только забирались спозаранку въ Розенбюрхъ, чтобы не нарушая домашнихъ привычекъ своихъ, съ бѣлой глиняной трубкой въ зубахъ, или съ крутцомъ кнастера за щекою,

покойно, чинно и безъ толкотни, усѣсться передъ окнами трактира и тамъ, на утишинкѣ, за чашкою чая, за стаканомъ Мартовскаго пива, или ранней рюмкой *Іенефера (можжевеловой водки)* поглазѣть на новыхъ своихъ *единоземцевъ:* я говорю *единоземцевъ* потому, что вѣсть о присоединеніи отечества ихъ къ великой Имперіи, не была уже тайною для гражданъ Амстердама. . . . Правда что о томъ еще небыло напечатано ни словечка въ уродливыхъ столбцахъ Амстердамскаго *кауранта (газетъ)*, но развѣ политика клуба Doctrina et amicicia не увѣряли гражданъ своихъ, что событіе это неизбѣжно? И кто же послѣ этаго могъ сомнѣваться?

— Каковъ вамъ кажется этотъ офицеръ? спросила романическая Юфрау Роза, сосѣдку свою Юфрау фанъ-де-Фетъ, показывая на одного молодцоватаго эскадроннаго начальника. И въ это вре-

мя прекрасный Арабскій конь выплясывалъ подъ нимъ всю манежную школу.

— Очарователенъ: отвѣчала ей полновѣсная Голландская грація съ малиновыми щеками. И хотя двѣ собесѣдницы, сидѣвшія тогда у средняго окн, говорили все это шопотомъ; но не такъ тихо, чтобы часть разговора не дошла до сидѣвшей близь нихъ Аньесы. Отзывъ Юфрау фанъ-де-Фетъ возбудилъ ея любопытство: невольнымъ образомъ обернула она миленькую головку свою и ярко закраснѣлась: глаза ея впились въ магнитный полюсъ двухъ дѣвушекъ въ совершенныхъ лѣтахъ. Этотъ румянецъ, не во гнѣвъ ни кому будь сказано, былъ красавицѣ нашей очень къ лицу; онъ не помѣшалъ ей мысленно сознаться, что Юфрау фанъ-де-Фетъ имѣла очень разборчивый вкусъ. Малютка наша сама находила, что эпи-

тетъ *очаровательный* былъ всѣхъ приличнѣе господину офицеру.

Но ктожъ такой былъ этотъ очаровательъ? Если судить по молодцоватой и ловкой его осанкѣ, по щегольской одеждѣ, впившейся въ его гибкій, мужественный станъ, никто конечно не далъ бы ему и тридцати лѣтъ, хотя по спискамъ Удинотова корпуса было ему конечно за тридцать за пять. Но къ чему эти вычисленія? Кто умѣетъ нравиться, развѣ тотъ не молодъ? — Темно-каштановые волоса; каріе, ослѣпительнаго блеска глаза; нѣсколько овальное, не совсѣмъ правильное лицо; чисто подстриженные фаворитки, Испанскіе тоненькіе усики, рѣзко обрисованные на его блѣдныхъ щекахъ; умная, нѣсколько ироническая улыбка, какъ у Мефистофеля въ Гётевомъ Фаустѣ — все придавало физіономіи его, какое-то особенное восточное выраженіе, и слов-

но — будто бы нашептывало каждой встрѣчной, неопытной дѣвушкѣ: берегись меня! я красивый змѣй Боа, который притягиваетъ къ себѣ маленькихъ пташекъ; я лучезарный Везувій, все изсушающій, все палящій. — И таковъ былъ въ самомъ дѣлѣ, любезнѣйшій изъ бароновъ Имперіи — Альфредъ д'Ардиньи, эскадронный командиръ Удинотовыхъ конныхъ гренадеровъ.

— Посмотрите Юфрау Роза, какъ вашъ прелестный рыцарь ловко осаживаетъ своего коня.

— Вамъ вѣрно угодно смѣяться Юфрау Янси: онъ смотрѣлъ не на меня, а на васъ.

— По крайней мѣрѣ онъ теперь глядитъ въ вашу сторону.

И дѣйствительно: щеголеватый баронъ смотрѣлъ туда, гдѣ сидѣли хозяйки.

Но отъ чего же глаза его не встрѣчались съ взорами Юфрау Розы? Отъ чего. . . . отъ чего. . . . Можетъ быть объ этомъ слѣдовало бы спросить только-что отшедшую отъ окна мамзель Аньесу, вдругъ вспыхнувшую какимъ-то необыкновеннымъ румянцемъ: однакожъ ее никто не распрашивалъ, и какъ она сама никому неоткрывала тайны своей; то обѣ смиренницы рѣшили каждая про себя, что взоръ красавца, точно былъ обращенъ не на сосѣдку, а на нее, и ни одной изъ нихъ не вошла въ голову *нелѣпая* мысль, чтобы такой ловкой и милый кавалеръ, могъ предпочесть имъ ребенка!

Офицеры пошли закусывать въ трактиръ; а какъ наши дамы уже закусили и насмотрѣлись досыта; то распустя гостей своихъ по домамъ, отправились боковою дорогою на Ауде-Зейдсъ-Ахтеръ-Бёргваль, гдѣ находилось ихъ

скромное, зажиточное и всегда чистое городское жилище: это былъ довольно узкой, много-этажной домъ изъ нештукатуреннаго Голландскаго кирпича, съ неизбѣжнымъ готическимъ фронтономъ 1670 годовъ; однимъ словомъ, домъ, какими полны всѣ улицы Амстердама: но онъ казался еще новымъ, потому, что свѣжая и дюжая Нортъ-Голландская служанка мыла его дважды въ недѣлю снутри и однажды снаружи. — Въ четырехъ-оконномъ этомъ домѣ (а четыре окна не шутка въ Голландскомъ городѣ) предстоялъ еще Юфрау Розѣ немаловажный подвигъ: подъ главнымъ хозяйственнымъ надзоромъ своимъ приготовить большое блюдо Бёйкслотскихъ окуней съ картофелемъ къ поздному обѣду. Но оставимъ на время Юфрау Розу, и пока она путешествуетъ по мраморной *аллеѣ* или сѣнямъ своимъ къ изразцовой кух-

нѣ, возвратимся на мѣсто перваго дѣйствія.

Въ главной залѣ Розенбюрхскаго трактира произошла между тѣмъ революція. Судьба тогдашнихъ Голландцевъ была вездѣ одинакова: volens, nolens, — повинны они были уступать привольныя мѣста свои Французскимъ офицерамъ.

— Вина! проревѣлъ густымъ басомъ капитанъ Лусто, до того обросшій бакенбардами и усами, что полное загорѣлое лицо его, довольно похожее на мохнатую рожу сапера, казалось продолженіемъ его черной медвѣжьей шапки.

— А гдѣ жъ Альфредъ? спросилъ Евгеній Ферюзакъ, лейтенантъ конной артиллеріи, только-что вошедшій.

— Развѣ ты не догадываешься? отвѣчалъ Лусто, наливая стаканы.

— Ни мало: онъ шелъ сюда за тобою.

— И потомъ остался. . . .

— Остался? Для чего?

— Чтобы распросить о павильонныхъ красавицахъ.

— Не о тѣхъ ли, что сидѣли у средняго окна?... Хороши красавицы!

— Спроси-ка лучше Альфреда! продолжалъ Лусто: наливая выпитый имъ стаканъ и закуривая сигарку.

— Вотъ и онъ! сказалъ Ферюзакъ, подходя къ барону д'Ардиньи. Капитанъ Лусто говоритъ, что ты безъ ума влюбился въ одну изъ здѣшнихъ болотныхъ Нимфъ: если это тѣ Нимфы, которыхъ я видѣлъ у окна; поздравляю съ счастливымъ выборомъ.

— Что ты этимъ хочешь сказать? —

— Что я перебивать тебѣ дороги не стану....

— Ты! сказалъ Альфредъ, презрительно улыбаясь. Да видалъ ли ты что нибудь прекраснѣе въ мірѣ?

— Нѣтъ господа! Это уже черезъ

чуръ: онъ скоро ззставитъ насъ (по пословицѣ) почитать и *пузыри — фонарями*. Благодаря однакожъ судьбѣ, я вижу еще и безъ очковъ.

— А что жъ ты такое видѣлъ? —

— Что одна изъ твоихъ красавицъ подвижная чахотка, а чрезъ другую скорѣе перескочишь, чѣмъ обойдешь ее кругомъ.

Всѣ офицеры захохотали, кромѣ барона Альфреда д'Ардиньи.

— За здоровье прелестной очаровательницы нашего Альфреда! — прогремѣлъ мохнатый Лусто, выпивая свой третій стаканъ вина, и такъ сильно ударилъ имъ по столу, что столъ задрожалъ, а стаканъ разлетѣлся на мелкія части.

— И за Нидерландскую красоту ея: прибавилъ насмѣшливо Ферюзакъ.

— Если бы ты увидѣлъ ее какъ я,

то пилъ бы этотъ тостъ не stante pede, а на колѣняхъ.

— Сейчасъ же готовъ съ тобою биться объ закладъ. . . .

— И сейчасъ проиграешь. — О чемъ?

— О томъ, что когда мы проѣзжали съ тобою, — у павильоннаго окна сидѣли только двѣ дамы. . . .

— Я говорю три. — Бьешься ли?

— Бьюсь — объ дюжинѣ шампанскаго.

— Чтобы отъучить тебя отъ закладовъ, — держу!

— А я разнимаю руки — сказалъ Лусто.

— И разопьешь закладъ вмѣстѣ съ нами?

— Разумѣется.

— И такъ слушайте же Г. Ферюзакъ, вы были въ Цитерѣ и невидали Венеры. — Третья дама, и это узналъ я отъ здѣшней хозяйки, была племянни-

ца вашей движущейся чахотки, прелестная эта Аньеса, — идеалъ дѣвственной красоты, и самъ Канова конечно снялъ бы съ нее бюстъ своей Психеи, если бы только видѣлъ ее.

Всѣ офицеры захлопали въ ладоши и Ферюзакъ призналъ себя побѣжденнымъ.

— Бѣдный мой Ферюзакъ! знаешь ли, что тебѣ остается — еще утѣшеніе?

— На примѣръ . . . .

— Привязать себѣ къ плечамъ крылья и изъ лейтенантовъ летучей артиллеріи, обернуться въ Купидона: тогда Психея — твоя. Тутъ, вмѣсто язвительной улыбки, приправилъ капитанъ Лусто свою походную остроту такою уморительною гримасою, что всѣ покатились со смѣху.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта комедія, если бы звуки трубъ и громъ барабановъ не прервали бесѣды витязей.

— На коня! закричалъ Альфредъ и всѣ офицеры шумно и весело высыпали на улицу.

—

II.

Бесѣда двухъ сослуживцевъ.

Et le plus fin s'y prend comme un sot.

ANONYME.

Три недѣли спустя послѣ приключенія въ Розенбюрхѣ, довольно рано по утру, щеголеватый Альфредъ д'Ардиньи, въ прекрасномъ новомъ мундирѣ съ знакомъ почетнаго Легіона на груди, причесанный волосокъ къ волоску, охорашивался передъ длиннымъ и узкимъ зеркаломъ своей спальни. . . .

— Такъ и есть! — крикнулъ Лусто, войдя въ комнату Альфреда. Я сбирал-

ся будить его, а онъ уже, ни свѣтъ ни заря, въ полномъ воинскомъ парадѣ.

— Тише, другъ мой Лусто; ради Бога тише! Не встревожь хозяекъ.

— Ха, ха, ха! Теперь вижу, что Евгеній нашъ правъ: ты влюбленъ не на шутку. . . .

— Г. капитанъ Лусто! . . .

— Та, та, та! Ужъ непрогнѣваться ли изволилъ, что я открылъ твои проказы?

— Мои проказы?

— Да, да, Г. хитрецъ: не думалъ ли ты этимъ видомъ отшельника, поставить въ тупикъ догадливость капитана Лусто? Не безпокойся: онъ старой воробей и его обмануть не такъ-то удобно?

— Но другъ мой. . . .

— Ага! Теперь я сталъ опять твоимъ другомъ. — Но развѣ отъ истиннаго друга таятся!

— Мнѣ кажется. . . .

— Хмъ! ему кажется? нѣтъ товарищъ: а мнѣ такъ ужъ не кажется: я увѣренъ; и по пальцамъ разскажу тебѣ всѣ твои секреты.

— Мои секреты?

— Вотъ бюлетень твоихъ военныхъ дѣйствій въ теченіи послѣднихъ трехъ недѣль.

— Говори, да только осторожнѣе.

— Плѣнясь прелестями павильонной Психеи, какъ искусный Цитерскій воинъ, ты тотчасъ составилъ въ умѣ планъ своихъ дѣйствій: досталъ билетъ постояльца къ ея родителямъ, сдѣлался другомъ дома, вездѣ слѣдишь свою Нимфу, и. . . .

— Что же далѣе?

— Просто, прочишь себя въ Ловеласы этой Кларисы или Аньесы — право не припомню ея имени.

— Можешь ли ты думать?

— А прежнія грѣшонки-то? Помнишь ли?

— Эхъ, мой другъ! то было другое дѣло. Какой военный не имѣлъ походныхъ связей?

— Ты сознаешься?...

— Нѣтъ, Лусто; это необыкновенная походная шутка; но если ты угадалъ часть истины, я долженъ во всемъ тебѣ признаться.

— Посмотримъ! сказалъ Лусто усаживаясь на кресла и невольно сажая подлѣ себя друга своего Альфреда.

— Ты не ошибся; я самъ себѣ не могу объяснить того неопредѣленнаго чувства, которое влечетъ меня къ Аньесѣ. Если это любовь, то я ни въ кого еще такъ не влюблялся.

Лусто слушалъ его, разглаживая усы.

— Любовь эта вовсе не плотская: она какое-то безотчетное идеальное чувство;

она радость моя и горе. Есть минуты, въ которыя я радъ бы засмотрѣться на моего идола и въ созерцаніи семъ умереть; есть другія, въ которыя очаровательный видъ Аньесы, страшитъ меня какъ ужасное воспоминаніе, какъ вопль совѣсти, отягченной преступленіемъ: Аньеса — магнитъ о двухъ полюсахъ: одинъ привлекаетъ, другой отталкиваетъ, и, при всемъ томъ, я увѣренъ, что разставшись съ нею, я разстанусь съ единственною радостью моей жизни. Когда серебристый голосъ ея потрясаетъ фибры моего бытія, я прислушиваюсь къ нему какъ къ волшебному пѣнію райской птички и радъ бы просидѣть такъ цѣлую вѣчность. Въ этомъ голосѣ есть звуки знакомые моему сердцу: я слыхалъ ихъ еще юношею, когда искра первой любви заронилась въ мою душу; я гдѣ-то видалъ этотъ свѣтлый взоръ невинности, умиляющій неистовство страсти. . . .

— Истинно - поэтическія бредни. И какъ они пристали къ тебѣ, счастливѣйшему изъ Европейскихъ Султановъ!

— Не шути Лусто! Чего не могли сдѣлать сотни свѣтскихъ красавицъ, ловкихъ кокетовъ и наивныхъ смиренницъ, то сдѣлалъ милой невинной ребенокъ— 15-ти лѣтняя Аньеса Дидье.

— Дидье! Такъ стало она не Голландка?

— Единоземка наша — Француженка.

— Но почему же отецъ ея называется Вестбремъ, Вестеркнехтъ. . . . однимъ словомъ. . . . такимъ звучнымъ и романическимъ именемъ, которымъ легче подавишься, чѣмъ его выговоришь.

— Аньеса Дидье, дочь перваго мужа своей матери — Режисера какой-то Мартиникской плантаціи.

— Ага! понимаю: твоя красавица Креолка. — Знаешь ли что я самъ безъ души отъ Креолокъ: говорятъ они всѣ та-

кія пламенныя, что хоть кого съ ума сведутъ.

— У тебя все одно на умѣ: но повѣрь мнѣ, на этотъ разъ ты ошибся.

— Все это прекрасно, мой другъ, но развѣ твои теперешніе виды. . . .

— Берегись толковать ихъ въ дурную сторону: они чисты какъ первая мысль непорочнаго юноши: я богатъ, пользуюсь всѣми благами жизни, любимъ маршаломъ, извѣстенъ моему Государю; чего мнѣ недостанетъ для счастія, если этотъ милой невинной Ангелъ будетъ моею подругою.

— Вашею подругою? А на какомъ основаніи г. баронъ?

— Можешь ли объ этомъ спрашивать? неужели иначе, какъ съ титломъ баронессы д'Ардиньи?

— Это дѣло другое. А скоро ли свадьба?

— До нее еще далеко, мой другъ: я не объяснялся.

— Не объяснялся? Это что за новость? Три недѣли подъ одной кровлею: три недѣли страстно влюбленъ и не объяснялся! — И кто же еще? баронъ Альфредъ д'Ардиньи! Ха, ха, ха!

— Не думаешь ли ты, что я шучу?

— Полно, полно: побереги эту сказочку для другаго.

— Ты еще больше удивишься, когда узнаешь, что дѣлается со мною. Мнѣ кажется что и я любимъ, мой другъ: любимъ со всею невинностью первой дѣтской любви, и не смѣлъ еще сказать — что я чувствую.

— Помилуй! да это настоящая мистификація, или уже ты вовсе ума рѣхнулся!

— Я самъ не могу понять себя; когда я розно съ Аньесою, у меня одна мысль: открыть ей мою душу, передать ей лю-

бовь мою — и что же? Каждый разъ нѣмѣю я передъ нею, какъ глупый школьникъ, забывшій свой урокъ.

— Это подлинно странно!

— Не знаю мой другъ: сила ль любви моей окаменяетъ языкъ, или что другое; но когда я взгляну на это невинное, милое созданіе: то какой-то грозный голосъ шепчетъ мнѣ: ни шагу далѣе. И слова мои противъ воли замираютъ.

— Если тебѣ такъ трудно объясниться съ Аньесою, обратись къ ея вотчиму. Новые земляки наши Голландцы предобрые люди; правда что имяна ихъ трудно выговаривать, но за то ладить съ ними легко. Мы нигдѣ еще такъ хорошо не живали!

— Объ этомъ не худо бы спросить самихъ Голландцовъ: *хорошо ли имъ?* — Но извини меня Лусто: звонятъ къ завтраку, и я пойду испытать твоего совѣта.

— Безъ церемоніи! Прощай! И меня ожидаетъ занятіе, только другаго рода. Девятый часъ въ исходѣ: а я ровно въ девять долженъ быть у маршала.

Два друга разстались.

—

III.

Нѣсколько писемъ.

Для избѣжанія единообразія, прошу позволенія у любезныхъ моихъ читателей и любезнѣйшихъ читательницъ, помѣстить здѣсь нѣсколько писемъ. Это дастъ мнѣ время перевести духъ къ началу будущаго повѣствованія; а для читающихъ, можетъ статься, не непріятно будетъ узнать, что тогда писали о себѣ нѣкоторыя изъ дѣйствующихъ лицъ моего полудраматическаго расказа.

—

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Аньеса Дидье къ Алинѣ фанъ - Вестбарендрехтъ.

Амстердамъ, 15-го Августа 1810.

Милая маминька!

Ахъ! зачѣмъ болѣзнь твоя разлучила насъ? Зачѣмъ эти Ахенскія воды такъ далеко отсюда. Ты бы разгадала мнѣ, что со мною дѣлается въ эту минуту. Я занимаюсь ученьемъ еще прилежнѣе, чѣмъ при тебѣ: а успѣваю гораздо менѣе. Сосѣдка моя Катиша Хаддомъ, предлагала мнѣ прочесть одинъ Французскій романъ, въ которомъ, говорила она съ улыбкою, могу я будто бы найти разгадку моего положенія; но ты не велѣла мнѣ читать романовъ, и я — поблагодаривъ, отказалась. — Сказать ли

тебѣ новость? У насъ живетъ теперь постоялецъ землякъ твой, Французской подполковникъ баронъ д'Ардиньи. Прекрасный мужчина, такой смѣлой на конѣ и до того застѣнчивой въ обществѣ, что не смѣетъ сказать почти ни слова. Онъ отличный музыкантъ и съ большимъ чувствомъ акомпанируетъ мнѣ на скрыпкѣ, когда послѣ фортепіаннаго урока моего у Компостини, я переигрываю папинькѣ новыя Бетховеновы сонаты. — Это бываетъ обыкновенно ввечеру, между тѣмъ какъ папинька куритъ трубку, а тетинька разливаетъ чай. Иногда взглянувъ на него украдкою, подстерегаю я въ глазахъ его затаившуюся слезу. Объ чемъ бы такъ ему плакать? Не оттого ли что и онъ далеко отъ доброй своей маминьки? — Иногда такъ онъ сдѣлается мнѣ жалокъ, что если бы не стыдилась — незнаю чего, я сама спросила бы его о причинѣ такой

непритворной горести. Никогда еще не видала я слезъ мужчины. Неправда ли маминька, что причиною этихъ слезъ должно быть какое нибудь ужасное несчастіе? Бѣдненькой! . . . Но. . . . кстати о слезахъ! Вообрази себѣ мое горе! Большой сѣрой тетинькинъ котъ съѣлъ моего желтаго кенара Биби! Цѣлый день была я неутѣшна, не смотря на обѣщаніе папиньки купить мнѣ другаго кенара; не взирая на то, что тетинька велѣла высѣчь негоднаго сѣраго кота. Ахъ! душечька маминька: не правда ли, что это не воскреситъ моего бѣднаго Биби! Нѣтъ, нѣтъ: не хочу держать болѣе кинареекъ!

—

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Аньеса Дидье къ Алинѣ фанъ-Вестбарендрехтъ.

Послѣднее письмо твое насъ очень утѣшило. Тебѣ лучше и ты скоро къ намъ будешь. — За эту добрую вѣсть увидишь, какой прекрасной приготовила я для тебя сюрпризъ. Ты вѣрно неожидала отъ меня такихъ успѣховъ въ рисованьи. Полюбуйся же на посылаемую тебѣ картинку. Она точное изображеніе входа Французовъ въ Амстердамъ. Видъ ландшафта взятъ изъ нашего павильона въ окрестностяхъ Розенбюрха: а войска рисованы были по памяти. Жаль, что я еще не мастерица рисовать фигуры, а

то бы вѣрно поставила въ числѣ воиновъ, одинъ живой портретъ, — портретъ нашего задумчиваго постояльца. Вообрази себѣ какъ онъ снисходителенъ: когда папинька уходитъ по утру въ должность или подъ вечеръ для Ломберо въ Доктрину (*), то не смотря, что тетушка уже старушка, а я ребенокъ, услужливый нашъ баронъ не тяготится служить намъ проводникомъ. Онъ ѣздитъ даже съ нами въ Голландскій театръ, не понимая ни слова по Голландски: ѣздитъ слушать Снука и славную Сизенисъ; — вотъ какъ чувствителенъ онъ къ малѣйшимъ ласкамъ въ нашемъ домѣ! Сосѣди часто жалуются на постояльцевъ, и я бы конечно имъ не повѣ-

---

(*) Doctrina et amicicia — политическій клубъ, куда сбираются негоціанты и дипломаты слушать новости, читать газеты, курить и играть въ комерческія игры.

рила, если бы не одно ужасное происшествіе, случившееся у доброй няни моей въ деревнѣ Фельзенъ. Ты знаешь, что бережливая Питернелла Стельтъ живетъ богаче многихъ. И вотъ къ ней ставятъ на житье Французскаго солдата. Солдатъ этотъ проголодавшись послѣ похода, а можетъ быть и выпивъ лишнюю рюмку Іенеферу, требуетъ обѣда: ему подаютъ, по обыкновенію крестьянскому, картофельной супъ. — Что же дѣлаетъ постоялецъ? Схватя миску горячаго супа съ ужасными ругательствами, бросаетъ ее въ хозяйку. По счастію Питернелла отворотилась и миска съ супомъ разбивъ окно, разсыпалась въ дребезги на улицѣ. Бѣдная няня моя, по требованію постояльца, послала сына своего Виллема за новымъ супомъ съ говядиною въ харчевню. — Пообѣдавъ кое-какъ, солдатъ укладывается спать; а няня моя идетъ въ Ра-

тушу просить защиты. Ей подъ рукою велятъ молчать; но обѣщаютъ перевесть солдата къ сосѣду. Новый постоялецъ ея былъ человѣкъ смирной и доброй, и этотъ день прошелъ покойно. На третій день, однако же, является прежній пьяный солдатъ и требуетъ квартиры: у него спрашиваютъ билета. Вотъ онъ, говоритъ пьяница, ударивъ по сабельной рукояткѣ: — вы здѣсь не въ непріятельской землѣ отвѣчаетъ ему кое-какъ по Французски Виллемъ. Вмѣсто возраженія, обнажаетъ извергъ саблю свою и бросается на хозяйку; схватя съ собою Виллема, она бѣжитъ отъ солдата; но бѣшеный гонится за ними до задней комнаты дома. Другаго выхода не было: погибель Питернеллы неизбѣжна — отчаянный Виллемъ хватаетъ со стола ножъ, и предваряя убійцу поражаетъ его въ животъ: на крики солдата сбѣгаются сосѣди и новый постоялецъ;

всѣ спѣшатъ подать помощь раненому, и кое-какъ удерживаютъ текущую кровь. Великодушный Виллемъ, идетъ самъ за лѣкаремъ, объявляетъ причину несчастнаго своего поступка и добровольно предается въ руки правосудія. Солдатъ однакожъ не умеръ и кажется будетъ живъ. — Убѣжденный ли добрымъ товарищемъ, или раскаяваясь въ своемъ неистовствѣ, онъ оправдываетъ Виллема. Ничто однакожъ не помогло: военный судъ приговариваетъ несчастнаго къ смерти, — и если этотъ кровавый приговоръ подтвердится правительствомъ, бѣдная няня моя лишится единственнаго сына!... Все это такъ меня перепугало, что и теперь еще я вся дрожу отъ страха. Какъ мы счастливы, милая маминька, что у насъ стоитъ такой кроткой, благовоспитанный офицеръ, а не буйные пьяные солдаты!

—

ПИСЬМО ТРЕТІЕ.

Аньеса Дидье къ Алинѣ фанъ-Вестбарендрехтъ.

Маминька! душечька! отгадаешь ли ты мою радость! — Узнавъ о дружбѣ маршала къ нашему постояльцу, я осмѣлилась попросить его спасти Виллема. И тутъ-то надобно было видѣть, какимъ огнемъ заблистали прекрасные глаза этого благороднаго человѣка! Съ какимъ торгомъ, схватя руку мою и прижавъ ее къ губамъ, онъ сказалъ: — Добрая Аньеса! вы, вы меня просите? И это не мечта? — Съ этимъ словомъ, маминька, бросился онъ какъ сумасшедшій за двери. Признаюсь, я осталась

въ самомъ глупомъ положеніи и сама не знала, что мнѣ объ этомъ думать; спросить было не у кого: кромѣ няни Питернеллы, не знавшей ни слова по Французски. Мы съ барономъ были на ту пору одни въ *бесѣдной* (de Spreekkamer). Разсудя однако же хорошенько, я начала догадываться, что онъ вѣрно взялся за наше дѣло. Такъ точно и вышло: къ вечеру принесъ онъ намъ списокъ съ какой-то длинной бумаги маршала; но я могла только понять въ ней одно: маршалъ просилъ у Императора пощады Виллему, оставя его до того времени подъ арестомъ. Баронъ увѣряетъ, что Императоръ непремѣнно согласится; особливо, прибавилъ онъ съ улыбкою, когда узнаетъ о миломъ Виллемовомъ адвокатѣ. Не правда ли маминька, что подъ адвокатомъ разумѣлъ онъ меня? Не правда ли, что это очень любезно съ его стороны? Да: онъ очень

меня любитъ. Но мнѣ кажется, что и я скоро полюблю его, если. . . . не полюбила! Ради Бога маминька уговаривай стараго доктора Брукмана привезть тебя къ намъ скорѣе!

—

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Корнелисцъ фанъ-Вестбарендрехтъ, къ Алинѣ фанъ-Вестбарендрехтъ.

Государыня моя и любезная супруга! (*)

Я получилъ пріятнѣйшее письмо ваше отъ 16-го числа текущаго мѣсяца и чрезвычайно порадовался облегченію вашему, поблагодаривъ за него Провидѣ-

(*) Mevrouw en liefsde gaddin.

ніе, не премину благодарить и достопочтеннаго друга моего доктора Брукмана, сверхъ условленной платы. Я говорилъ вамъ, предъ отъѣздомъ въ Ахенъ, что въ сопутствіи господина Брукмана, какъ моего стариннаго пріятеля и подъ руководствомъ опытности его, какъ искуснаго врача, вы конечно возстановите ваше здоровье. Хвала Всевышнему! точно такъ и случилось. Спасибо и вамъ любезнѣйшая сожительница, за умѣренность вашихъ издержекъ: изъ послѣдняго письма вашего вижу, что вы не издержали и половины кредитива на Антверпенскій торговый домъ де Поттера съ сыновьями; но если это сопряжено было съ нѣкоторыми для васъ лишеніями, то вы *изволили* поступить уже черезъ-чуръ деликатно. Вы конечно никогда не могли сомнѣваться, что гдѣ идетъ дѣло о доставленіи вамъ какой либо зависящей отъ меня пріятно-

сти, тамъ всѣ прочія соображенія умолкаютъ. Пятнадцать лѣтъ и два мѣсяца составляли вы мое домашнее счастіе и чтобы я для васъ ни сдѣлалъ, всегда еще останусь у васъ въ долгу. Любезная дочь ваша Юфрау Аньеса Дидье — по нѣжной ея ко мнѣ внимательности, по чувствамъ, внушеннымъ вами — давно уже сдѣлалась и моею дочерью. Впрочемъ любя васъ, могу ли не любить и всего вамъ близкаго? Сосредоточивъ на этой милой дочери всѣ нѣжнѣйшія чувства души моей, я давно уже назначилъ ее замѣнить мнѣ собою тѣхъ дѣтей, въ которыхъ отказали мнѣ неисповѣдимыя судьбы Божіи. Вы конечно увѣрены, что устройство ея благополучія всегда лежало и лежитъ у меня на сердцѣ. Потерявъ во время этой бѣдственной войны прекрасную плантацію мою Люстъ-эн-Рюстъ, я, какъ вы сами знаете, не всего еще лишился. У меня

остался домъ, красивая дача и земли въ Алабласервардѣ, кромѣ капиталовъ, положенныхъ мною въ Русскія облигаціи. Благодаря уплатѣ Русскаго долга, произведенной г. Лабушеромъ, Русскія акціи поднялись двадцатью процентами, выше курса ихъ въ прошломъ году. Все это, взятое вмѣстѣ, дало мнѣ возможность стать на ряду съ зажиточнѣйшими изъ Нидерландскихъ *Рентенировъ* (*). И такъ будьте покойны, государыня моя и любезная супруга: намъ съ вами останется еще много добра на прожитокъ, даже и за выдѣломъ нашей Аньесѣ приличнаго приданаго! Вы удивитесь, что я заговорилъ о приданомъ, и для кого? Для такой молоденькой дѣвочки, какъ Аньеса! Но, развѣ изъ этого слѣдуетъ, чтобы и думать о замужествѣ

(*) Частныхъ людей, живущихъ процентами съ капиталовъ въ общественныхъ акціяхъ и государственныхъ займахъ.

ея, когда представится къ тому случай? Напримѣръ — сестра Роза старѣе меня двумя годами, а мнѣ уже благодаря Господа 49; но еще никто ее не сваталъ. Итакъ всякому своя судьба: сестрѣ Розѣ цвѣсти и вянуть, а Аньесѣ цвѣсти и распускаться. Подобно вамъ, развернулась и она, какъ ранній цвѣтокъ тропическихъ поднебесностей, подобно вамъ, привлекаетъ и она взоры любителей красоты яркимъ и пышнымъ своимъ блескомъ: взглянувъ на этотъ милый тюльпанъ, никто конечно не повѣритъ, что ей только пятнадцать лѣтъ и четыре мѣсяца. Каждый дастъ ей, по крайности, лѣтъ семнадцать. Пріѣзжайте же скорѣе, чтобы видѣть какъ она похорошѣла, и какъ при всемъ простодушіи своемъ, при всей дѣтской невинности, успѣла уже вскружить голову одному вашему единоземцу: не правда ли что этихъ новостей вовсе вы не ожида-

ли! И я то же, государыня моя и любезнѣйшая супруга, но вотъ какъ это случилось.

Третьяго дня былъ у меня маклеръ Іозуа Зильфелькоперъ, этотъ ловкой и хитрой Португальской жидъ, который такъ забавлялъ васъ прошлаго года волокитствомъ своимъ за дѣвицею Митье Схельтема и такъ забавно давился ветчиною, желая показать намъ, что онъ не жидъ. Добрый этотъ полу-Израильтянинъ, обѣщая золотыя горы барышей, предлагалъ мнѣ купить новыхъ Испанскихъ облигацій; но я, видѣвъ опыты этихъ барышей надъ многими *сильными домами*, проводилъ его самымъ учтивымъ образомъ, и хотѣлъ-было приниматься за расчетъ съ моимъ арендаторомъ, какъ является ко мнѣ служитель и кучеръ нашъ Беренсъ. И зачѣмъ бы вы думали? Постоялецъ нашъ Французской подполковникъ баронъ д'Ардиньи

требовалъ *белета* (*). Удивясь немного такому раннему посѣщенію, я велѣлъ просить его въ *бесѣдную* комнату, поспѣшилъ смѣнить свой утренній *японъ* (**) приличнѣйшимъ платьемъ и отправился къ моему гостю. Видимою причиною его посѣщенія было желаніе передать мнѣ добрую вѣсть о сынѣ Питернеллы Стельтъ, о которомъ вѣроятно писала вамъ наша Аньеса: отъ имени ея поблагодарилъ я барона за освобожденіе Виллема, и думалъ-было спроста, что тѣмъ дѣло кончено; анъ-ни тутъ-то было: баронъ мой сначала позамялся и началъ говорить

(*) Belet vraagen, т. е. просить разрѣшенія пріѣхать или придти къ хозяевамъ на нѣсколько часовъ или раздѣлить за-просто ихъ обѣдъ: обычай, существующій въ Голландіи между ближайшими друзьями или родными, отдѣльно живущими другъ отъ друга.

(**) *Халатъ.* Первые Голландскіе халаты привезены изъ Японіи.

какими-то аллегоріями; однако же я — подъ предлогомъ незнанія вашихъ Французскихъ тонкостей, — попросилъ его говорить яснѣе, и знаете ли что услышалъ? ни больше, ни меньше какъ предложеніе выдать за него Аньесу. Прочивъ Аньесу нашу за молодаго Бакера, сына моего лучшаго друга, и вашей покойной пріятельницы Эмиліи, я хотѣлъ-было отдѣлаться отъ этого щеголя и отпустилъ-было ему басню: что падчерица моя сирота, что состояніе ея ограничено, что я самъ, разстроенный потерею моей плантаціи Люстъ-эн-Рюстъ, не могу дать ей многаго, хотя того и желаю; однимъ словомъ я ему и то, и другое: что Аньеса еще молода, что вы можетъ статься не рѣшитесь съ нею такъ рано разстаться, особенно выдавъ ее за военнаго; и проч. и проч. и проч. — Но у злодѣя на все нашлись возраженія. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что самъ бо-

гатъ, и неимѣетъ нужды въ приданомъ; что молодость есть такой порокъ, отъ котораго всего легче исправиться; что если бы мы такъ рано выдать ее не рѣшились, то онъ готовъ, сколько это ни тягостно, ждать своего счастія годъ, два, три, подобно благоразумнымъ Нидерландскимъ женихамъ; что если воинское званіе можетъ быть причиною разлуки его съ невѣстинымъ семействомъ, то чтобъ не разставаться съ нимъ никогда, перемѣнитъ охотно службу и изберетъ другое званіе, болѣе приличное женатому человѣку. — Что̀ тутъ было говорить? Мнѣ хотѣлось еще закинуть словечко на счетъ чувствъ Аньесы; но молодецъ нашъ хотя и ни разу не говорилъ о томъ съ малюткою, а кажется догадывался, какъ и я теперь догадался, что она будетъ не противъ. И такъ прежде какого либо рѣшенія попросилъ я г. жениха оставить дѣло до пріѣзда

вашего in statu quo, то есть, ни на чемъ, а между тѣмъ самъ я рѣшился о женишкѣ порядочно поразвѣдать. — Послѣдствіемъ розысковъ моихъ было то, что подполковникъ д'Ардиньи, дѣйствительно баронъ Имперіи, имѣетъ сорокъ тысячъ франковъ годоваго дохода и пользуясь уваженіемъ своихъ товарищей, съ самой хорошей стороны извѣстенъ покровителю своему Императору Наполеону. Не смотря на нѣкоторые враждебные предразсудки наши на счетъ нынѣшнихъ Французовъ, долженъ я признаться, что онъ довольно скроменъ и образованъ; много вояжировалъ: былъ въ Италіи, Германіи, Испаніи, — даже въ самой Вестъ-Индіи; а хорошъ ли онъ собою, въ этомъ сознается, если не всякой женатой мужчина; то конечно не одна замужняя женщина: и такъ сударыня моя и супруга, покорнѣйше прошу васъ пожаловать сюда какъ можно

скорѣе, или на сговоръ Аньесы съ барономъ, или для пожеланія г. барону счастливаго пути.

—

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Алина фанъ-Вестбарендрехтъ къ своему мужу.

Съ душевною благодарностью къ тебѣ, лучшій другъ мой! Съ сердечнымъ трепетомъ матери за мою Аньесу, прочла я письмо твое отъ 20-го сего мѣсяца. — Первое движеніе мое было летѣть къ Аньесѣ; къ тебѣ доброму моему генію, къ тебѣ, призрѣвшему двухъ отринутыхъ міромъ сиротъ. . . . Прививъ къ себѣ вѣчною благодарностію и мать и дочь; ты далъ новую жизнь двумъ чужеземнымъ растеніямъ; ты породнилъ

ихъ вторично съ жизнію; ты усвоилъ ихъ собственной твоей отчизнѣ. И послѣ этаго, ложный стыдъ налагалъ преступное молчаніе на уста мои, молчаніе, котораго ты самъ, изъ состраданія ко мнѣ непозволялъ мнѣ нарушить! И до сихъ поръ еще ты незнаешь вполнѣ, кого ты спасъ отъ отчаянія! Но къ чему тебѣ было знать приключенія несчастной? Ты призванъ былъ свыше отереть ея слезы, изгладить изъ сердца ея воспоминаніе протекшихъ злополучій, и ты совѣстно исполнилъ высокое свое назначеніе. Для благородной души твоей достаточно было видѣть бѣдствіе, чтобы предстать ему въ видѣ утѣшителя: никогда еще не спрашивалъ ты меня о прежней жизни моей, или лучше о прежнихъ страданіяхъ: ты боялся растравить раны, едва тобою залѣченныя. И вотъ какъ судьба прежнихъ горькихъ лѣтъ моей жизни, едва и мною не по-

забытая въ благословенномъ супружествѣ нашемъ, оставалась для тебя загадкою; для тебя, кому такъ давно открыты были всѣ мысли мои, кромѣ *одной!* . . . Такъ, другъ мой: не романической повѣстью о тайныхъ заблужденіяхъ моей юности, а изученіемъ науки счастливить тебя — желала я заплатить, благороднѣйшему изъ людей, за возрожденіе мое къ новой жизни, за усыновленіе сироты моей Аньесы. Если я достигла священной этой цѣли, то чего осталось желать мнѣ болѣе, кромѣ счастія *нашей* Аньесы? Не правда ли, что ты и ее себѣ присвоилъ?

И она писала ко мнѣ! Боюсь угадать ея тайну; боюсь увѣриться въ любви ея, о которой ты мнѣ намекаешь? Неужели и ея дѣтское сердце уже узнало любовь? . . . А я-было такъ разумно, такъ преждевременно радовалась, полагая, что Аньеса наша, этотъ нѣжный тропическій

цвѣтокъ, перенесенный въ умѣреннѣйшій климатъ Европы, перемѣнитъ свою Вест-Индскую природу! Судьбы рѣшили иначе. Благодарю Бога за то, что благоразуміемъ своимъ успѣлъ ты отдалить отъ Аньесы нашей роковую минуту открытія ея собственной тайны. По крайности далъ ты мнѣ время предварить ее: какъ опасно ошибиться въ первомъ нашемъ выборѣ! Не каждой женщинѣ предоставлено счастіе найти врача отъ язвы сердечной; не всякой женщинѣ, подобно мнѣ, дозволяетъ судьба отдохновеніе послѣ бури; не всякая женщина, обманутая первою любовію, находитъ снова потерянное спокойствіе своей жизни. Нѣтъ, другъ мой: я никогда не повѣрила бы сказкамъ о добрыхъ геніяхъ, если бы не повстрѣчалась съ тобою.

Тяжко исповѣдываться въ своихъ слабостяхъ; но гдѣ благо дѣтей того требуетъ, какая мать остановится принесть

самолюбіе свое въ жертву? Вотъ повѣсть первыхъ лѣтъ моей жизни, которой подробностей не хотѣлъ ты выслушать, чтобы не заставить меня краснѣть. Заставь Аньесу прочесть эти подробности, прежде нежели наступитъ для нее роковое время любви. Но кромѣ тебя и ее да будутъ онѣ тайною для другихъ. Я начала писать эту повѣсть для предостереженія дочери. Но увѣрена, что въ эту минуту, не въ силахъ я ни прочесть написаннаго, ни привести въ порядокъ остальныхъ записокъ о моихъ бѣдствіяхъ, оконченныхъ рукою уже истлѣвшею въ могилѣ, рукою и тебѣ и мнѣ любезною. Потрясеніе, произведенное во мнѣ твоими извѣстіями, не позволяетъ мнѣ иначе ѣхать, по словамъ доктора, какъ нѣсколько дней спустя послѣ сегоднишняго письма.

—

IV.

Исторія Эрнестины.

Колоніальное воспитаніе. — Семейный праздникъ въ плантаціи. — Неожиданный случай.

> Elle ignorait ces délicates choses de la vie, dont un père ne parle point á sa fille et qu'une mere seule peut dire.
>
> LE COMTE DE PEYRONNET.

Какъ моровая язва Египта разносилась революціонная чума Франціи по всѣмъ предѣламъ стараго и новаго свѣта. Ни полъ, ни возрастъ, ни красота, ни добродѣтель, не остановляли стремленія этой нравственной *заразы*. . . .

Увлаженный рѣками крови своихъ первобытныхъ обитателей, орошенный кро-

вавымъ пòтомъ Негровъ невольниковъ, прекрасный островъ Сен-Доминга, вознесенъ былъ промышленностью колонистовъ на высочайшую степень богатства и силы: его называли эдемомъ новаго свѣта; но и его череда наступила. Революціонная гидра Франціи, этотъ демонъ всеобщаго разрушенія, эта проповѣдница новаго Исламизма, съ огнемъ и мечемъ проникла въ предѣлы Гаитскіе и все перемѣнилось. Демагогія Сантонаксовъ, Грегуаровъ и Польверелей провозгласила уничтоженіе рабства; подозрѣніе заступило мѣсто довѣренности; опаленныя плантаціи превратились въ хаосъ развалинъ; неистовые крики убійцъ и тщетные вопли убиваемыхъ замѣнили веселость пѣсень, и одни города еще представляли нѣкоторое убѣжище для бѣлыхъ жителей Сен-Доминга. Въ этомъ бѣдственномъ положеніи находилась колонія, когда генералъ Леклеръ, по-

сланный новымъ правительствомъ Франціи, высадилъ войска свои на Гаитскій берегъ. Несчастный островъ, залитый новою кровью Креоловъ, Метисовъ, Негровъ и Европейцевъ, встрѣтилъ генерала Леклера и его воиновъ, какъ избавителей. . . . Но не всѣ акты трагедіи были сыграны; страшная катастрофа созрѣвала еще за кулисами сцены. . . .

Въ одной изъ плодоносныхъ долинъ острова, называемыхъ Саваннами, находилась небольшая плантація Валь-де-Грасъ. Огражденная съ сѣверной стороны своего поморья утесистыми горами, извѣстными подъ именемъ Морновъ, а съ юга и запада темнымъ лѣсомъ вѣковыхъ тропическихъ деревъ; она только съ одного восточнаго края представляла выходъ на большую Капскую дорогу и однимъ этимъ ущеліемъ примыкала къ живущему міру. Тѣмъ не ме-

нѣе была она обителью радости и покоя; жилищемъ, которое добродушный владѣлецъ плантаціи Гейнрихъ Кардоль не промѣнялъ бы на богатѣйшія окрестности Порт-о-Пренса и Пти-Гоава. Впрочемъ эта привязанность скромнаго плантёра къ его небольшому помѣстью, ни мало не была удивительною: въ эту годину бѣдствій, богатыя окрестности Портъ-о-Пренса и Пти-Гоава были выжжены ордами возмутившихся Негровъ; а его мирный, благословенный уголокъ, его цвѣтущія поля, насажденныя индиговымъ растеніемъ, сахарнымъ тростникомъ, кофейными деревьями, банановыми стеблями (Regimes du Bananier), драгоцѣннымъ какао, сѣнолиственнымъ плантаномъ и всѣми произведеніями роскошной тропической флоры, были цѣлы и невредимы. Любовь Негровъ, съ которыми онъ обходился всегда какъ отецъ, стерегла ихъ во время всеобщей

тревоги и разрушенія. Казалось, буйное междуусобіе забыло вовсе про скромный пріютъ добродѣтельнаго старца: ему было уже за шестьдесятъ лѣтъ; а до этаго возраста достигали не всѣ бѣлые жители Сен-Доминга.

Гейнрихъ Кардоль, уроженецъ Рошфортскій, еще ребенкомъ, вывезенъ былъ на Антильскіе острова: меньшой сынъ небогатаго, но почтеннаго семейства, онъ отправленъ былъ туда за дарами фортуны. Въ тогдашній періодъ времени, а подъ нимъ разумѣю я вѣкъ Лудовика XV, у всѣхъ младшихъ сыновей, жившихъ въ приморскихъ городахъ Франціи, былъ обычай искать счастія своего въ Вест-Индскихъ колоніяхъ. И Гейнрихъ Кардоль по совѣту доброхотовъ своихъ, вступилъ также на это новое поприще: обратилъ небольшое отеческое наслѣдство въ пачекъ товаровъ и отправился къ дядѣ своему въ

Мартинику; выгодная продажа небольшой его кипки дала ему возможность начать дѣла свои въ колоніяхъ, а старикъ дядя сблизилъ его съ тамошнимъ бытомъ. Не вдругъ однако же суждено было искателю фортуны достичь до цѣли своей: уже послѣ смерти матери и дяди, уже съ сѣдыми волосами составилъ онъ себѣ нѣкоторое состояніе и женился на дочери того самаго владѣльца, въ чьихъ плантаціяхъ былъ онъ прежде Режисёромъ. Привязанность къ доброй своей женѣ, Креолкѣ острова Сен-Доминга, заставила Кардоля предпочесть ея родину всѣмъ прочимъ Французскимъ колоніямъ. Къ небольшой плантаціи, полученной имъ въ приданое за женою, прикупилъ онъ нѣсколько гектаровъ земли и составилъ себѣ тотъ мирный и безбѣдный пріютъ, гдѣ застала его революція; но застала уже не счастливымъ супругомъ: рожденіе дочери стоило жи-

зни обожаемой имъ женѣ. И эта дочь, обреченная отъ первыхъ дней сиротливой жизни своей къ лишеніямъ; эта единственная, ненаглядная радость отца своего, была я Эрнестина — Алина Кардоль!

Первые дни мои протекли подобно младенчеству всѣхъ Креолокъ. Въ жилахъ моихъ смѣшана была кровь умѣреннаго и знойнаго поясовъ. Едва начала я различать предметы, какъ увидѣла подлѣ себя женщину, совсѣмъ отличнаго цвѣта отъ родителей, давшихъ мнѣ жизнь: съ чужеземнымъ молокомъ моей Негритянки, кормилицы, всасывала я въ себя и Африканскіе ея предразсудки. Неиначе какъ подъ напѣвъ романтическихъ балладъ или говоръ нелѣпѣйшихъ и ужасныхъ сказокъ, засыпала я въ моей колыбели. Кому неизвѣстно, что эти сказки, поражая юное воображеніе, заранѣе возбуждаютъ въ

младенцѣ порывы ко всему фантастическому несбыточному, и часто оставляютъ глубокіе, неизгладимые слѣды свои въ его сердцѣ? . . . Вотъ образчикъ разсказовъ моей кормилицы, по которому можно судить и о прочихъ.

На одномъ изъ малыхъ Антильскихъ острововъ, есть утесъ, а на поверхности утеса, отпечатокъ слѣдовъ, довольно сходныхъ съ лошадиными. Угодно ли знать, какъ Африканское воображеніе Негритянки толкуетъ этотъ странный случай? Послушайте. — «На зарѣ мірозданія, духъ добра и духъ зла заспорились между собою: кто скорѣе изъ двухъ просолитъ великое море? И вотъ послѣдній принимается за работу: начинаетъ сыпать въ бездны морскія соль, изъ раскупориваемыхъ имъ безъ-устали бочекъ, — и что же? Не смотря на необъятные и безпрерывные труды, не можетъ никакъ достигнуть до цѣли: океанъ остает-

ся прѣснымъ! Увидя безполезность усилій соперника, торжествующій духъ добра, бросаетъ въ пучину морскую одну крупинку соли, и всѣ моря дѣлаются солеными. Униженный духъ зла приходитъ въ ярость, превращается въ коня: низвергается на землю, перебѣгаетъ чрезъ утесъ и оставляетъ на немъ слѣды могучихъ своихъ копытъ.»

Вступя въ 10-ти лѣтній возрастъ жизни моей, оконча первоначальное Креольское обученіе, я должна была, по порядку колоніальнаго воспитанія, отправиться въ какой нибудь монастырь или пансіонъ на твердую землю Франціи; но двѣ важныя причины тому помѣшали: истребленіе революціею всѣхъ учебныхъ заведеній при монастыряхъ и непреодолимое отвращеніе отца моего отъ разлуки со мною. И такъ должно было довольствоваться тѣмъ, что имѣли мы подъ руками. При помощи нѣсколь-

кихъ учителей изъ Капа, воспитаніе мое кое-какъ и мало по-малу приходило къ концу. Учась понемногу *чему нибудь и какъ нибудь*, я могла уже счесть въ отсутствіе батюшки, во сколько обойдется тонна сахару или бобовъ какао, если скажутъ мнѣ цѣну квинтала; имѣла нѣкоторое понятіе о Географіи изъ разсказовъ нашихъ корсаровъ; въ похожденіи Телемака, въ Генріадѣ Вольтеровой и Арабскихъ сказкахъ Гальяра ознакомилась я съ нѣкоторыми искаженными отрывками Исторіи древнихъ и среднихъ вѣковъ; Миѳологію Грековъ узнала я изъ картинокъ и виньетокъ метаморфозъ Овидіевыхъ Сент-Анжева перевода; а Катихизисъ толковалъ мнѣ нашъ приходскій священникъ. Почтенный Патеръ Іакинфъ принадлежалъ къ монашескому ордену босоногихъ Кармелитовъ, хотя къ соблазну всѣхъ благочестивыхъ душъ своей паствы, нерѣд-

ко принужденъ бывалъ носить революціонную кокарду и красный колпакъ — атрибуты тогдашняго безголоваго правительства Франціи. За то въ музыкѣ, танцахъ и рисованьѣ могла я хвалиться рѣшительными успѣхами. Органистъ нашего прихода Метисъ Помпей и Мулатка Заме, племянница моей няни, имѣли въ этихъ искуствахъ отличныя свѣденія, и передали ихъ мнѣ. Но кто могъ кромѣ матери быть путеводителемъ юнаго, пылкаго моего сердца? Съ чьей душой могла я слить мою душу?... У меня былъ отецъ, и добрый, нѣжный отецъ: это правда. Но какой отецъ можетъ вполнѣ замѣнить собою мать, замѣнить ее для дочери, осиротѣвшей еще въ колыбели? Можетъ ли онъ, подобно существу одного съ нею пола, сродниться съ ея впечатлѣніями, постепенно слѣдить за развитіемъ мыслей ея и мечтаній? И какая женщина не мечта-

ла? У нее столько времени на мечтанія!... Сколько маленькихъ тайнъ, сколько странныхъ идей, которыхъ не повѣритъ она ни какому мужчинѣ, какъ бы ни любила его, какъ бы ни была увѣрена въ его снисходительности! Одна добрая, умная, сметливая мать можетъ сдѣлать все изъ ребенка, чья довѣренность и любовь есть законное ея благо: прежде самой этой дочери отгадаетъ она ея тайны: оттого, что душа неопытной дѣвочки, есть зеркало отражающее ея образъ мыслей? И кто лучше матери можетъ остеречь ее отъ соблазновъ міра, отъ порывовъ собственнаго ея сердца?... Вотъ первое и главное лишеніе, источникъ всѣхъ заблужденій моихъ, всѣхъ постигшихъ меня бѣдствій. . . .

Не мое дѣло описывать ужасы, ниспровергшіе злополучную мою отчизну. Современныя лѣтописи, эти скрижали былаго, передадутъ ихъ кровавыми чер-

тами испуганному потомству. Въ нихъ найдетъ любопытство читателей, и подробности Леклерова похода; и временное торжество оружія Французскаго надъ толпами Туссеня и Дессалиня: и профиль пожара Капскаго, и описаніе убійственной рѣзни, истребившей всѣхъ бѣлыхъ съ лица земли Гаитской, — этой грозной тризны, совершенной Неграми въ честь первобытнымъ жителямъ острова, въ честь Гаитянамъ, которыхъ замучило сребролюбіе и пустосвятство Испанцевъ. Я пишу не исторію, а повѣсть моего сердца; изображаю собственныя заблужденія, чтобы остеречь мечтательницъ отъ опасности мечтаній, чтобы приключенія эти послужили для нихъ маякомъ, освѣтили передъ ними темноту будущаго и спасли ихъ отъ гибели, если есть еще время. . . .

Я сказала уже, что нравственный ураганъ, потрясавшій мою родину, обхо-

дилъ нашъ благодатный пріютъ и посреди всеобщихъ ужасовъ междуусобной войны, одни мы, счастливые жители Валь-де-Граса оставались еще покойны: Сан-Домингскія плачевныя событія доходили до насъ только тогда, какъ наши посланные отправлялись по дѣламъ плантаціи въ Капъ-Франсе, или Патеръ Іакинфъ съ своимъ причетомъ пріѣзжалъ incognito собирать съ прихожанъ своихъ церковную десятину: насъ не соблазнялъ еще примѣръ матери-отчизны; мы не считали молитву въ церквахъ преступленіемъ достойнымъ гильйотины.

1799 года..... дня былъ въ Вальде-Грасѣ семейный пиръ. Добродушный родитель мой праздновалъ день моего рожденія, день пріятныхъ надеждъ и грустныхъ воспоминаній. Послѣ ранней *Мши* въ домашней нашей капеллѣ, отецъ мой, помянувъ усопшую мать

мою, отеръ свои слезы: его нѣжность боялась отуманить ими день, посвященный родительской радости. Мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ, и добрый отецъ мой ознаменовалъ его благодѣяніями: онъ излилъ ихъ на бывшихъ своихъ рабовъ. Надобно было видѣть шумную благодарность этаго темнаго племени, чтобы судить о немъ въ часы столь грозные для нашихъ колоній. Не смотря на объявленія *правъ человѣка*, ни одинъ изъ Негровъ не покидалъ еще своего благодѣтеля: равно признательные за добро, и мстительны за незаслуженныя поруганія, они всѣ остались. Разумѣется, что я, царица праздника, занимала не послѣднее мѣсто въ признательности нашихъ черныхъ дѣтей природы. Цѣлый этотъ день, кромѣ повара, никто не работалъ. Пѣсни, пляски и музыка не переставали: томная гитара, пронзительный флажолетъ, состязались съ звѣня-

щимъ тамбуриномъ, съ гремучими кастаньетами и разладнымъ Балафу въ искуствѣ оглушать своихъ слушателей; одна забава смѣняла другую. Яркая иллюминація и блестящій фейерверкъ заключали веселости этого дня, какъ вдругъ пушечные и ружейные выстрѣлы огласили окрестность: сначала подумали мы, что это были радостные залпы Негровъ нашихъ въ лѣсу; но вскорѣ посланный верховой извѣстилъ насъ, что за рощею происходитъ сраженіе: отрядъ новоприбывшихъ войскъ встрѣтился съ шайкою Негровъ Мароновъ. Невольный ужасъ обнялъ пирующихъ. Въ нашихъ Неграхъ, мы были увѣрены; но кто могъ ручаться за земляковъ ихъ, — останутся ли они въ покоѣ?

— Дѣти! сказалъ мой отецъ толпившимся вокругъ его цвѣтнымъ рабочимъ: всѣ сосѣди наши требуютъ къ себѣ отрядовъ солдатъ для защиты плантацій;

но я полагалъ, что при васъ, не имѣю нужды въ солдатахъ. . . . .

— Мы всѣ твои защитники! закричали Негры.

— Не моя жизнь дорога мнѣ, продолжалъ разтроганный старецъ: жизнь моей Эрнестины.

— Успокойся *Масса!* (*) До нее дотронется развѣ тотъ, кто убьетъ изъ насъ послѣдняго.

— Спасибо дѣти! Спасибо! Теперь я точно покоенъ. — И пѣсни снова раздались, не смотря на близость сраженія, и забавы черныхъ дѣтей природы возобновились. Стрѣльба однако же приближалась, и можно было распознавать пистолетные выстрѣлы и военные крики бунтовщиковъ.

(*) Сокращенное слово Monsieur. Имъ называютъ Негры колоній — своихъ господъ и хозяевъ.

— Войдемте въ *Казу* (*)! сказалъ мнѣ отецъ, безпокойно поглядывая на густоту лѣса: становится свѣжо и ты можешь простудиться.

— Простудиться? Но развѣ я не Креолка?

— Къ береженому и Богъ пристаетъ; возразилъ священникъ: вашъ батюшка правъ, и мы лучше сдѣлаемъ, ежели отправимся въ ваши покои: Мускиты начинаютъ больно кусаться.

Веселыя пѣсни Негровъ опять раздались; меня посадили на переплетенныя цвѣтами носилки и при звукѣ гитаръ и бубенчиковъ понесли къ воротамъ плантаціи церемоніальнымъ маршемъ. Выстрѣлы становились рѣже и рѣже. . . . . какъ вдругъ неожиданный случай остановилъ наше шествіе.

(*) La Case: такъ называются домы въ плантаціяхъ отъ Испанскаго слова — домъ (Cazal).

— Помогите! помогите! раздался звучный голосъ молодаго военнаго, выбѣгавшаго изъ чащи. Мы услышали новый выстрѣлъ и юный воинъ, упорно защищавшійся противъ двухъ звѣрообразныхъ *Замбосовъ* (Метисовъ), палъ за мертво на землю. Я обомлѣла отъ страха.

— Вотъ я васъ ужо! заревѣлъ кучеръ нашъ Юмбо, какъ смоль черный Мандингосъ исполинскаго роста, и выхватя сучковатую жердь изъ огороднаго частокола, съ остервенѣніемъ бросился на преслѣдователей.

— Кто позволилъ вамъ разбойничать на нашей землѣ? Какъ смѣли вы пугать нашу барышню? гаркнуло нѣсколько голосовъ, и два Замбоса, примѣтивъ неравенство силъ своихъ съ защитниками плантаціи, предались бѣгству.

— Такъ-то, трусы! подкамышники!

крикнулъ презрительно кучеръ Юмбо, бросивъ въ бѣгущихъ свою огромную жердь и поспѣшая на помощь къ раненому.

Съ побѣгомъ черныхъ мародёровъ, я пришла въ себя: состраданіе заступило во мнѣ мѣсто ужаса; я спрыгнула съ носилокъ и взявъ зажженную плошку освѣтила лицо, пораженнаго злодѣями. Но въ немъ небыло и признаковъ жизни. Несчастному юношѣ казалось не болѣе двадцати лѣтъ; кровь лилась ручьемъ изъ пробитой на вылетъ руки и другихъ ранъ имъ полученныхъ; смертная блѣдность покрывала высокое чело его, на которомъ вечерній зефиръ развѣвалъ распущенныя кудри темно-каштановыхъ волосъ; судорожные припадки боли были примѣтны на помертвѣломъ лицѣ; но лицо это было прекрасно: черты его напоминали умирающаго Адониса. — И такъ, сказала я, го-

рестно: вотъ еще жертва войны; вотъ, можетъ статься, единственный сынъ, похищенный революціоннымъ междуусобіемъ у отца, у матери, которые полагали въ немъ всю свою надежду! — Сердце мое стѣснилось, и я должна была опереться о близь стоявшаго священника. Не иначе согласилась я оставить это позорище крови, какъ когда почтенный Патеръ Іакинфъ увѣрилъ меня, что фельдшеръ нашъ Телемакъ употребитъ все искуство свое на помощь раненому. Съ этимъ словомъ Телемакъ уже стоялъ на колѣняхъ и осматривалъ его раны.

— Онъ живъ! вскрикнулъ радостно добрый Негръ, почувствовавъ слабое біеніе пульса. — Онъ живъ! прошептала я едва внятнымъ голосомъ и изъ трепетавшей груди моей, вылетѣло радостное благодареніе Богу. — Онъ будетъ живъ! продолжалъ торжественно черный эскулапъ и не менѣе обрадован-

ный отецъ мой увлекъ меня домой, обѣщая приложить къ спасенію раненаго, всѣ зависѣвшія отъ него средства.

—

V.

Мечтательница.

De verbbending was verzwonden....
CLAAS JANSZEN.

Лучшимъ мѣстомъ прогулокъ моихъ былъ Морнъ святой Женевьевы, иначе называемый Рокъ-Тордю. Тамъ въ тѣни величественныхъ кокосовъ и вѣчно зеленѣющагося пальмиста, любила я дышать прохладою, сидя на скамьѣ высѣченной въ утесѣ.

Никакое перо, никакая кисть, не въ состояніи передать очаровательной пре-

лести сего уединенія. Здѣсь, отдѣленная отъ всего земнаго, любила я переноситься въ мечтательный фантастическій міръ: сказки черныхъ моихъ прислужницъ и волшебныя баллады — еще свѣжія въ моей памяти, располагали душу мою ко всему чудесному, неземному: юное воображеніе, пылкое какъ родной тропическій климатъ, населяло этотъ несбыточный міръ существами столько же фантастическими какъ и онъ самъ: на каждомъ лучѣ солнца, искавшемъ прохлады въ струяхъ морскихъ, слетали ко мнѣ Джины Африки или геніи востока, украшенные золотыми мечтами 15-ти лѣтняго моего сердца. Иногда воображала я себя царицею этихъ безпредѣльныхъ морей, и гордо смотрѣла на пестрые флаги судовъ развѣвавшихся подъ моими ногами; восхищенные взоры мои терялись въ необъятной дали океана, сливавшагося съ лазуревыми небесами: все

земное, такъ казалось мнѣ мало, жалко, ничтожно въ сравненіи съ симъ величественнымъ зрѣлищемъ, этою панорамою неопредѣленности! Никто изъ окружавшихъ меня въ плантаціи, не въ состояніи былъ понимать меня, и это часто приводило меня въ отчаяніе. Добрый отецъ мой по лѣтамъ и характеру, по мѣсту рожденія и образу воспитанія, былъ вполнѣ человѣкомъ существеннымъ, а не идеальнымъ, и нерѣдко, къ величайшему моему прискорбію, смѣялся надъ юной своей мечтательницей. . . . . Тогда въ неопытномъ сердцѣ моемъ таилось желаніе: найти существо одинакихъ со мною мыслей, существо, способное раздѣлять мои восторги! Какъ море съ палящимъ небомъ Вест-Индіи, я готова была слить душу мою съ его душею.

Занятая очаровательными моими мечтами, непримѣтно достигла я до вер-

шины Морна и въ задумчивости сѣла на уступъ, при входѣ въ пещеру. Сладостно затрепетало сердце мое, вдыхая въ себя бальзамическій ароматъ, навѣваемый Антильскимъ зефиромъ: всплески волнъ, разбиваемыхъ пасадными вѣтрами о каменистый берегъ поморья; кроткій шелестъ листовъ близлежащей Пампельмусовой рощи; щебетаніе пернатыхъ малютокъ роившихся на вѣтвяхъ исполинскаго кокоса, составляли какую-то меланхолическую, торжественную музыку; она превосходила всѣ возможные оркестры.

Мнѣ казалось, я поняла ихъ загадочную, роскошную мелодію: они напѣвали о томъ, какъ бы я была счастлива встрѣтивъ сердце, могущее вторить моему сердцу! Я невольно вздохнула.... и.... каково было мое удивленіе! Кто-то также вздохнулъ во глубинѣ пещеры. . . .

— Кто тутъ? пролепетала я, вся дрожа отъ испуга.

— Я! отвѣчалъ мнѣ голосъ, потрясшій всѣ составы бытія моего. Но трепетъ этотъ уже небылъ трепетомъ страха. Таинственный голосъ совершенно гармонировалъ съ очаровавшею меня музыкою природы.

Я хотѣла бѣжать, но ноги мои окаменѣли; я хотѣла говорить, но языкъ мой безмолствовалъ.

Молодой человѣкъ, прекрасный какъ сказочный геній, стройный какъ пальма Антильская, почтительно сталъ передо мною

— Спасительница моя! сказалъ онъ торжественнымъ тономъ: извините, если смертный дерзнулъ проникнуть въ святилище богини. Отъ приставниковъ моихъ узналъ я, что вы страстно любите это мѣсто, вы, кому я обязанъ моимъ исцѣленіемъ, моею второю жизнію — и

здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ желалъ принести Творцу міровъ мою первую жертву, первую молитву мою о благоденствіи вашемъ. Съ этимъ словомъ, преклоня передо мною колѣно онъ приложилъ уста къ рукѣ моей.

— Встаньте! встаньте! сказала я чуть слышнымъ голосомъ, стараясь освободить мою руку и боязливо вставая.

— Итакъ: вы боитесь меня! Меня — предмета вашихъ благодѣяній! И молодой человѣкъ опустилъ горестно мою руку.

— О! нѣтъ: я небоюсь васъ. Я только.....

— Ради Бога останьтесь хоть на минуту, я не все еще досказалъ вамъ.

— Извините меня.... батюшка.... домъ....

— Вотъ мѣсяцъ, какъ я нахожусь въ гостепріимномъ вашемъ домѣ; давно знаю васъ по описанію вашихъ Негровъ;

однажды даже слышалъ очаровательный голосъ вашъ за дверьми моей больницы, и по этимъ описаніямъ, по этимъ звукамъ голоса проникшаго въ мое сердце, составилъ себѣ идеалъ моей юной, *граціозной* спасительницы. Но какъ далекъ былъ идеалъ мой отъ подлинника!

Онъ остановился; я не смѣла промолвить ни слова: щеки мои горѣли; грудь моя судорожно волновалась. . . .

— Мнѣ такъ хотѣлось увидѣть васъ, и это пламенное желаніе, помогало врачу моему лучше всѣхъ лѣкарствъ. Желаніе исполнилось; но теперь, кляну безразсудство мое. . . . . зачѣмъ я васъ увидѣлъ!

— Это по крайности странно, если не неучтиво; сказала я нѣсколько ободрясь и какъ бы обиженнымъ тономъ: я непонимаю васъ.

— Я увидѣлъ васъ, и долженъ бѣжать отсюда.

— Бѣжать? Но кто же гонитъ васъ: кто мѣшаетъ вамъ провести у насъ все время выздоровленія вашего?

— И что же послѣ?

— Послѣ? повторила я запинаясь.

— Когда милыя, дѣвственныя эти черты неизгладимо врѣжутся въ глубинѣ моего сердца; когда этотъ стройный станъ Нимфы, станетъ рисоваться въ каждомъ облакѣ, блуждающемъ по синему небу; когда этотъ потрясающій, серебристый голосъ, подобно волшебнымъ звукамъ Эоловой арфы, будетъ отзываться въ каждомъ вѣяніи зефира, въ каждомъ рокотѣ колеблемыхъ волнъ, въ каждой пѣсни пернатыхъ? . . . что тогда? . . . .

Я замолчала: но глаза мои невольно, и какъ бы украдкою встрѣтились съ пламенными очами юноши. Изумленіе, дѣвственный стыдъ, и что еще? не припомню, заставили меня поспѣшно опустить глаза.

Еще никогда подобныя рѣчи не потрясали моего слуха. Положеніе мое было такъ ново, такъ безотчетно, что я не понимала его. Я почти сердилась на дерзость молодаго Европейца; но выраженіе сильныхъ чувствъ, но страстный, неизъяснимо плѣнительный взглядъ, сопровождавшій слова его, вынуждали прощеніе.

Искра взаимнаго сочувствія заронилась въ моемъ сердцѣ. Я старалась привести идеи мои въ порядокъ и — немогла.

И такъ я нашла его! Нашла душу, готовую сродниться съ моею!.... И эта пагубная, романическая мысль, увлекала меня, восхищала! Я едва думала о томъ, достоинъ ли сей идеалъ моего воображенія, того мѣста, которое онъ такъ нагло, такъ неожиданно присвоивалъ себѣ въ воспоминаніяхъ нео-

пытной дѣвушки. . . . Таковы были плоды фантастическихъ моихъ мечтаній!

Наконецъ я осмѣлилась взглянуть на него, и видъ очарователя довершилъ его побѣду. Онъ еще не сказалъ мнѣ ни слова о любви; но инстинктъ природы, этотъ демонъ соблазнитель — шепталъ мнѣ, что онъ весь — любовь! И любовь взаимная загорѣлась въ юной крови моей, раскаленной знойнымъ тропическимъ климатомъ.

Не думая болѣе о побѣгѣ, я еще разъ взглянула на смѣлаго красавца; но должно думать, — глаза мои невыражали ничего неблагопріятнаго: сама не зная какъ это случилось, я почувствовала себя въ его объятіяхъ. Едва дышущую, полумертвую, увлекъ онъ меня на роковую скамью. Его гибкія руки, какъ хоботы баснословнаго Кракена, обвивали мой станъ; горящая голова моя склонилась на плечо обольстителя: огненное его ды-

ханіе опалило мнѣ лицо и первый поцѣлуй любви судорожно сомкнулъ уста его съ моими устами. Такъ заключенъ былъ союзъ обаянія, союзъ неопытности съ коварствомъ. Время, мѣсто, таинственность уединенія, полумракъ пещеры, мечтательное расположеніе моего духа — все было противъ меня въ заговорѣ. Но добрый геній спасъ меня въ это роковое мгновеніе. . . . Я услышала голосъ отца въ Пампельмусовой рощѣ. . . . И я, и очаровательмой вздрогнули невольно: я вырвалась изъ пожигавшихъ меня объятій. . . .

— Эрнестина! кликалъ меня отецъ.

— Иду! отвѣчала я, бросясь опрометью изъ пещеры.

— Эрнестина! шепталъ мнѣ соблазнитель. Но я его не слушала.

Онъ простиралъ ко мнѣ умоляющія руки. . . . Но я спѣшила къ избавителю. Европеецъ остался въ пещерѣ. . . .

Нѣсколько лѣтъ жизни моей прожила я въ эти минуты (*) . . . .

(*) Здѣсь кончается рукопись Эрнестины, послѣдующее писано другою рукою: какъ добросовѣстные историки, мы должны признаться, что до насъ недошло имя окончателя или окончательницы разсказа. Но какая до того нужда? Если повѣсть занимательна, ее прочтутъ и безъ авторскаго имени въ заголовкѣ; если же нѣтъ, то и имя автора не поможетъ. Публика наша сдѣлалась такъ взыскательна, что ей нужны дарованія, а не имя. Если обаяніе существуетъ еще гдѣ нибудь; то не иначе, какъ въ бенефисныхъ афишахъ и косметическихъ объявленіяхъ.

—

VI.

Бѣда родитъ бѣду.

Et le reveil m'atout ôté.

Изъ современнаго романса.

Въ тѣни кипарисной и сикоморовой кущи виднѣлся скромный надгробный памятникъ, а при подножіи его стояла молодая женщина. Печальная, блѣдная, она казалась погруженною въ совершенное оцѣпененіе, и если бы не глухія стенанія повременно вылетавшія изъ ея груди, то эту женщину можно было принять за одного изъ мраморныхъ геніевъ опи-

раюшихся на пышные мавзолеи. Чей былъ это памятникъ и кто была эта *женщина-дитя?* — Несчастная Эрнестина Кардоль молилась надъ прахомъ отца своего. Вдали отъ ней плакала Негритянка Ярико, единственная повѣренная ея бѣдствій.

Давно ли сіяло это милое дитя и радостью и красою? Давно ли, въ невинности своей, развертывалось оно какъ юная роза подъ благодатнымъ кровомъ родительской любви? Давно ли мечтало о счастьи? И гдѣ теперь это счастіе? Гдѣ сладкія мечты будущаго? — Время все поглотило: нравственный ураганъ свѣялъ съ жизни его всѣ радости, всѣ надежды. Одни воспоминанія ей остались. Но какія воспоминанія? Сознаніе своего сиротства и прибавить ли еще горестнѣйшее?... Сознаніе своего позора! Простодушная мечтательница увлечена была въ сѣти хитраго ловца и носила подъ

сердцемъ залогъ своего позора. Честный отецъ ея умеръ, не знавъ о постигшемъ ее несчастіи: она и сама о немъ незнала. Но вскорѣ все объяснилось, когда Деркуръ обольститель ея, покинулъ, забылъ имъ поруганную благородную дѣвицу. Такъ заплатилъ онъ своей спасительницѣ за гостепріимство, такъ пробудилъ онъ юную мечтательницу отъ фантастическихъ ея заблужденій!

— Добрая барышня! Довольно поплакали мы съ вами. Поберегите себя!

— Ты видишь, няня, что я не плачу: и несчастная, ломала въ отчаяніи руки.

— Вы хуже дѣлаете: вы убиваете себя горестію.

— Что-жъ мнѣ дѣлать? Еслибъ хоть Деркуръ пріѣхалъ меня утѣшить: но онъ не пріѣдетъ; онъ забылъ свою Эрнестину.

Няня вздохнула: она знала это сама; но старалась питать надеждами Эр-

нестину, какъ питала ее нѣкогда молокомъ: она старалась вдохнуть въ нее упованіе, котораго сама не имѣла.

Несчастная сирота горько улыбнулась. Надежда снова воскресла въ груди ея: вѣрить желаемому такъ пріятно! Она подала руку доброй нянѣ и обѣ пошли въ домъ къ приходскому священнику Патеру Іакинфу. Тамъ ожидалъ ее Паланкинъ. Между тѣмъ вдали показались дымъ и пламя. . . .

— Это что за пожаръ? Равнодушно спросила Эрнестина. Ярико содрогнулась: пожаръ былъ въ сторонѣ Валь-де-Граса. Они поспѣшили къ отцу Іакинфу.

Трепетъ Негритянки былъ справедливъ: прискакавшій окровавленный вершникъ привезъ извѣстіе, что плантація Эрнестины выжжена шайкою истребителя Дессалина, и всѣ защитники ея или перебиты, или уведены въ полонъ. И такъ сирота лишилась послѣдняго до-

стоянія! Положеніе ея было ужасно! Куда приклонитъ она теперь свою голову? У ней неоставалось ни отца, ни матери, ни родныхъ, ни пріюта! И столько бѣдствій вдругъ поразили несчастную! Она занемогла. . . .

Между тѣмъ разъѣздныя партіи Негровъ нерѣдко подходили и къ дому священника. Но святыня церкви, къ которой онъ принадлежалъ — спасала; но добрая слава Патера, уважаемаго и самыми мятежниками, хранила еще смиренный кровъ его отъ конечнаго разрушенія. Мирный пріютъ пастыря оставался неприкосновеннымъ и овцы паствы, превращенныя въ разъяренныхъ волковъ, не дерзали еще посягать на его убѣжище.

Но благоразуміе не позволяло Эрнестинѣ оставаться долѣе въ пасторатѣ. Добрая няна ея видѣла необходимость перевезть Эрнестину въ Капъ: но съ

чѣмъ перевезти ее? У нихъ не было ничего съ собою, кромѣ платья на нихъ надѣтаго, никого для сопровожденія ихъ, кромѣ вѣрнаго конюха Юмбо; двое носильщиковъ, брося Паланкинъ, бѣжали въ плантацію по пріѣздѣ Юмбы: у одного оставалась тамъ дочь, а у другаго жена. За то Юмбо стоилъ двоихъ: онъ доказалъ это за четыре мѣсяца предъ тѣмъ, прогналъ разбойниковъ, преслѣдовавшихъ обольстителя Эрнестины. Въ головѣ догадливой Негритянки родилась внезапная мысль: отправиться на пепелище бывшей плантаціи и поискать тамъ чего нибудь полезнаго для пути своей Эрнестины. И такъ великодушная Ярико, вдова, потерявшая за годъ предъ тѣмъ послѣдняго сына, осталась у ней одна взамѣнъ утраченнаго имѣнія и семейства! Добрая эта женщина рѣшилась совѣстно исполнить свое добровольное назначеніе: она поклялась спасти

Эрнестину, поклялась быть ея геніемъ-хранителемъ. Но какъ оставить больную? Она передала мысль свою Юмбѣ и черный храбрецъ взялся ее выполнить.

Осѣдлавъ ночью коня своего, — заткнувъ за кушакъ свой острый *Мачете* (Machete) или Испанскій кинжалъ, взятый имъ для разрытія золы и для будущей защиты, онъ примчался какъ духъ ночной на пожарище, привязалъ въ чащѣ лѣса усталаго скакуна и съ осторожностью вора подкравшись къ пепелищу, принялся за работу свою при погребальномъ свѣтѣ догаравшихъ развалинъ казы. — Не безъ страха оглядывался онъ во всѣ стороны: не замѣтитъ ли кого нибудь изъ одноплеменниковъ? Но все было тихо: одинъ унылый пасатный вѣтеръ завывалъ въ близлежащей дубравѣ и опаленномъ сахарномъ тростникѣ. Простодушный и суевѣрный

Юмбо полухристіанинъ, полуязычникъ, какъ почти всѣ земляки его въ Вест-Индіи, принималъ вой вѣтра за плачь Фетиша плантаціи и самъ горько заплакалъ. Онъ видѣлъ плоды многолѣтнихъ трудовъ, истребленные разбойниками, безъ всякой для себя пользы; видѣлъ полуобгорѣлые трупы собратій своихъ, запекшихся въ собственной крови, и съ почтительнымъ благоговѣніемъ къ усопшимъ, поклялся предать ихъ сожженію, если только души ихъ откроютъ ему мѣсто одного завѣтнаго ларца: въ ларцѣ этомъ хранилась казна его доброй барышни. Прежде всего бросился онъ къ пруду, гдѣ обыкновенно поилъ жеребца своего и воловъ. Онъ нашелъ въ немъ еще плававшую кадку; сперва запасся водою; потомъ слѣдуя наставленію землячки своей Ярико, принялся поливать то мѣсто, гдѣ по мнѣнію его была комната Эрнестины. Богъ защит-

никъ сиротъ направилъ грубую руку Негра, и благодатный ларецъ былъ вытащенъ изъ пепла. Добрый Юмбо запрыгалъ отъ радости какъ ребенокъ, и недавая себѣ отдыха, поспѣшилъ исполнить обѣтъ, данный тѣнямъ усопшихъ единоземцевъ. Онъ стащилъ ихъ въ кучу, оклалъ огарками и зажегъ. Чрезъ часъ послѣ совершенія этого обряда нѣкоторыхъ дикихъ племенъ, онъ распростился съ плантаціею и весело скакалъ по дорогѣ къ пасторату.

—

VII.

Капской маклеръ.

Con arte e con inganno
Si viva mezza l'anno.
Con inganno e con arte
Si viva l'attra parte.

Итальянская пословица.

На козлахъ Испанской *Воланты*, кабріолета закрытаго занавѣсками, въ который запряжена была одна сильная лошадь, сидѣлъ дюжій Негръ: на головѣ у него была широкая соломенная шляпа, а въ рукѣ коротенькой бичь. Костюмъ его состоялъ изъ свѣтло-голубой круглой куртки, обшитой по всѣмъ

швамъ цвѣтнымъ басономъ, съ бѣлымъ жилетомъ и короткими брюками; ноги — по обычаю Вест-Индіи, были босы. Внутри воланты находились двѣ женщины: одна молодая, прекрасная, ослѣпительной бѣлизны; но блѣдная, почти безжизненная: можно было видѣть, что она едва встала съ одра болѣзни. Подлѣ нее сидѣла пожилая Негритянка и поддерживала голову больной, склонившуюся къ ней на плечо. Воланта остановилась передъ низменнымъ входомъ въ невысокой одно-этажный домъ города. Городъ этотъ былъ Капъ-Франсе, а домъ принадлежалъ одному богатому маклеру.

— Пріѣхали! сказалъ кучеръ звонкимъ голосомъ, разбудившимъ больную, и прикрутя лошадь къ оглоблѣ, брался уже за колокольчикъ, какъ надворная дверь отворилась, и довольно странная фигурка показалась оттуда: въ клѣтча-

той розовой рубашкѣ и брюкахъ, въ желтыхъ башмакахъ, съ висками крутившимися какъ Еврейскіе песики, вдоль бронзоваго лица; въ зубахъ его заостренныхъ на подобіе собачьихъ клыковъ, дымилась бумажная сигарка. Онъ скорѣе походилъ на какого нибудь Гаванскаго *Пеладо* или Бандита, чѣмъ на мирнаго торговаго маклера. Это былъ однако же самъ хозяинъ, Донъ-Эстеваль Мерседе и Сильва, полуиспанецъ и полужидъ, поселившійся съ давнихъ лѣтъ въ сѣверной части Сен-Доминга.

— Ага! сказалъ онъ потирая весело руки: это ты, мой добрый Юмбо! Но да спасетъ насъ Санто-Доминго, гдѣжъ та молодая госпожа, отъ которой ты привозилъ мнѣ на прошлой недѣлѣ письмо? И съ этимъ словомъ маленькіе кошечьи глаза, какъ горячіе угли въ темномъ гнѣздѣ камина, засверкали необычайнымъ образомъ. Казалось, они ис-

кали добычи своей и старались проникнуть во внутренность воланты.

— Вотъ она! отвѣчалъ простодушный Негръ отдергивая занавѣску.

Читатели вѣроятно узнали нашихъ путешественницъ Эрнестину и добрую ея кормилицу — няню.

— Долго лѣтъ здравствовать моя достопочтенная мамзель Кардоль, пролепеталъ маклеръ: милости просимъ! Gracia a Dios! Вы найдете у насъ надежное убѣжище. Донъ-Эстеваль Мерседе и Сильва, не допуститъ ни въ чемъ нуждаться любезнѣйшую дочь своего стараго друга!

О дружбѣ этой не мѣшало бы конечно спросить покойника, если бы покойники говорили. Тогда бы узнала Эрнестина, что на нее всѣхъ менѣе могла она полагаться. Ей извѣстно было одно: что отецъ ея имѣлъ при жизни своей нѣкоторыя дѣла съ *почтеннѣй-*

шимъ Д. Эстевалемъ. Но, послѣ этихъ дѣлъ, ему не приходило болѣе на умъ заводить съ нимъ другихъ спекуляцій. Сирота Эрнестина незнала объ этомъ ни слова. Одинъ фактотумъ и лѣкарь покойника Метисъ Телемакъ могъ бы открыть ей истину; но убитый разбойниками Дессалина, онъ безмолствовалъ потому, что онѣмѣлой языкъ его и бренное тѣло сожжены были вмѣстѣ съ прочими защитниками Валь-де-Граса.

Эрнестина подобилась агнцу писанія безгласно стоявшему передъ рукою стригущаго.

При помощи чернаго Мандигоса Юмбо и вѣрной няни своей, она высажена была изъ воланты и проведена въ ожидавшую ее комнату. Это были покои Эстевалевой дочери, только-что отправившейся по дѣламъ отца съ молодымъ мужемъ своимъ въ Тринидадъ. Чисто

отбѣленныя стѣны комнаты, подобно всѣмъ женскимъ покоямъ въ Вест-Индіи, украшались альфресковой трафаретной живописью; по угламъ ея стояли шкапы съ разными предметами роскоши; большія пролетныя окна, защищаемыя отъ зноя солнечнаго зелеными *жалузи*, достигали почти до половъ; въ ней небыло ни камина ни печи, вовсе не нужныхъ въ тропическомъ климатѣ; у одной стѣны стояло открытое Плейелевское фортепіано; а на немъ разложены были разныя поты, двѣ гитары и нѣсколько вѣеровъ изъ пальмовыхъ листьевъ и разноцвѣтныхъ перьевъ. По срединѣ комнаты стоялъ *Геридонъ* съ двумя хрустальными колпаками для укрытія отъ движенія воздуха, зажигаемыхъ въ вечернее время свѣчь. Въ заднемъ углу была матрасовая софа, служившая вмѣстѣ и кроватью.

Когда благодѣтельный сонъ смежилъ

вѣжди усталой больной, дверь комнаты тихо отворилась и вошедшая на цыпочкахъ молодая мулатка пригласила добрую няню выдти къ хозяину.

— Масса зоветъ тебя; сказала молодая мулатка.

Поруча ей больную и велѣвъ отъ нее отмахивать мускитовъ, кормилица вышла къ хозяину.

Не собственная усталость, однако же, заставляла эту добрую женщину удалиться отъ Эрнестины. У ней была одна твердая, положительная мысль — соблюденіе пользъ своей питомицы.

Д. Эстеваль, забывая на этотъ разъ всякое различіе между цвѣтными жителями и Креолами, различіе столь свято наблюдаемое въ колоніяхъ, пригласилъ Негритянку Ярико, освѣжиться прохладнымъ питьемъ. Онъ даже самъ своими руками придвинулъ для нее стулъ.

— Наконецъ, моя почтенная Дуэнья...

— Меня зовутъ просто Ярико, отвѣчала скромная няня.

— Но это имя не Христіанское; и вы конечно имѣете другое.

— Я крещена подъ именемъ Марты.

— Вотъ это дѣло другое, продолжалъ хозяинъ. И такъ, почтенная, Сеньорита Марта, скажите мнѣ ради св. Іакова, чѣмъ могу я служить дѣвицѣ Кардоль?

— Вамъ кажется писано объ этомъ.

— Гмъ! Вы вѣрно намекаете о письмѣ отца Іакинфа. Худыя вѣсти, Сеньорита! Французскій соколъ улетѣлъ отъ женидьбы за синее море.

— Я этого ожидала Д. Эстеваль: но ради Бога скройте печальную эту истину отъ моей Эрнестипы. Она убьетъ ее.

— Охотно радъ. Но что же мы скажемъ? Дѣла Креоловъ здѣсь начинаютъ путаться. Не выпроводить ли васъ отсюда къ дочери моей въ Тринидадъ, сказавъ, что женихъ ея туда уѣхалъ?

— А плантація наша?

— Плантація! Да, конечно: но что же вы съ нею будете дѣлать? Что значитъ земля безъ рукъ? Поля безъ произрастеній? Я слышалъ, тамъ ничего не осталось кромѣ обгорѣлыхъ стеблей.

— Господинъ маклеръ! Я незнаю толку въ дѣлахъ; но мнѣ кажется, земля все-таки земля и чего нибудь да стоитъ.

— Разумѣется, разумѣется и я конечно не упущу изъ вида пользъ моей довѣрительницы, дочери покойнаго моего друга, — да помянутъ его всѣ святые!

— Объ этомъ-то и дѣло. Я сама знаю, что Эрнестинѣ нельзя оставаться здѣсь долѣе: здѣшній островъ есть для нее земля позора и горестнѣйшихъ воспоминаній.

— Для того-то именно отправимъ ее поскорѣе отсюда, а я между тѣмъ постараюсь съ выгодою продать ея земли-

цу и выслать вырученное къ зятю моему Дону Лопесу въ Тринидадъ.

— По мнѣ, въ Тринидадъ, такъ въ Тринидадъ, сказала няня, когда вы считаете это лучшимъ: но вамъ извѣстно положеніе. . . .

— Гмъ! конечно! для этаго-то, почтенная моя Сеньора Марта, и надо намъ поторопиться. Здѣсь всѣ знаютъ фамилію Доньи Кардоль; а тамъ мы выдадимъ ее за вдову, и такимъ образомъ соблюдемъ все благоприличіе. Вы неповѣрите какъ я дорожу приличіями. . . .

— Но ея здоровье?

— Она еще молода, и конечно на кораблѣ достойнаго друга моего Д. Іоао-Луиша-Мендеса де Пинто она будетъ имѣть такой же покой, какъ и въ моей Тринидадской Гасьендѣ.

Достойный этотъ другъ былъ однакоже не иной кто какъ Мараньонской каперъ, развратнѣйшій Замбо, и патронъ

его Д. Эстеваль Мерседе и Сильва отдаляя несчастную сироту, уже заранѣе пожиралъ въ мысляхъ своихъ наслѣдство ея въ Сен-Домингѣ. Но судьба опредѣлила иначе: нѣсколько времени спустя честный маклеръ Мерседе и Сильва погибъ вмѣстѣ съ прочими бѣлыми въ Капскомъ пожарѣ.

—

VIII.

Разбойничій люгеръ. — Морское путешествіе. — Островъ Тринидадъ. — Обманутыя надежды. — Наводненіе. — Три дни жизни на деревѣ. — Погибель и чудесное избавленіе.

Какъ воръ съ награбленными вещами, такъ люгеръ Дона Луиша, нагруженный контрабандою, скользилъ вдоль Сенъ-Домингскихъ береговъ. Казалось, самая шаткость тогдашняго правительства, небреженіе береговой стражи и корыстолюбіе таможеннаго начальства были за одно съ легкостью и удальствомъ без-

страшнаго крейсера. Это время демагогической анархіи было истиннымъ *сѣнокосомъ* для его братьи. Нельзя однакожъ, не сказать что и Донъ Луишъ Мендесъ де Пинто не имѣлъ себѣ равныхъ. Онъ принадлежалъ къ тому роду головорѣзовъ, которыхъ встарину называли флибустьерами, буканьерами, а въ новѣйшее время корсарами, форбанами, каперами или, какъ говорятъ Французы, écumeurs de mer. Для нихъ небыло ничего святаго; не существовало ни религіи, ни закона, ни отечества; они принадлежали ко всѣмъ націямъ, къ которымъ нужно было принадлежать; ходили подъ всѣми флагами и не уважали ни одного, когда противникъ былъ ихъ слабѣе; говорили на всѣхъ языкахъ и, часто, не умѣли ни читать ни писать; но за то, имѣли всегда подъ рукою искусныхъ калиграфовъ и рѣзчиковъ, которые такъ мастерски

поддѣлывали ихъ коносаменты и всѣ торговые акты что, нерѣдко, фальшивые принимались за законные, а подлинники — какъ фальшивые — истреблялись; всѣ портовыя и таможенныя начальства Вестъ-Индійскія были имъ сруки; во всѣхъ гаваняхъ были у нихъ свои адвокаты, свои подручные маклера. Однимъ словомъ, командиръ Люгера «Мараньонъ (Maranhao)» былъ идеаломъ Антильскихъ крейсеровъ настоящихъ, будущихъ и прошедшихъ: — нѣчто въ родѣ Редъ-Гаунтлета или Монбара. При выходѣ изъ Капскаго рейда, одному брандвахтенному новичку, только-что прибывшему изъ Европы, вздумалось-было повѣрить его накладную; подмѣтивъ нѣсколько грузовыхъ челновъ (canos), которые возвращались отъ люгера пустыми, а причаливали къ нему съ кладью, онъ уже заранѣе предвкушалъ наслажденіе поймать врасплохъ

нарушителя таможенныхъ уставовъ. Но опытный контрабандистъ былъ подкованъ на всѣ четыре: презрительно посвистывая и улыбаясь, онъ преспокойно вынялъ и развернулъ передъ нимъ *чистое* свидѣтельство Капской таможни, скрѣпленное подписью національнаго представителя. Погоньщикъ зналъ что на люгерѣ находилась контрабанда, нештемпелеванные товары, а можетъ быть и бѣглые Негры-преступники, взятые съ оружіемъ въ рукахъ; но что смѣлъ сказать неопытный, ничтожный чиновникъ противъ свидѣтельства директора-депутата? Когда досмотръ кончился, каперъ бросилъ въ зубы досмотрщика *такъ*, *изъ милости* — нѣсколько осмерныхъ реаловъ *за визитъ*, да поднесъ ему стаканъ мадеры, чтобы запить свою неудачу; потомъ, какъ бы въ насмѣшку ему, заломивъ на бекрень свою сѣтчатую шапочку, принялся закуривать

сигарку; а между тѣмъ, расправлялъ крылья люгера и прежде чѣмъ съѣхавшій погоньщикъ успѣлъ опомниться, улетѣлъ въ открытое море.

Наступала Вестъ-Индская зима, время періодическихъ дождей и ураганов; но опытный морякъ продолжалъ расхаживать и курить, какъ ни въ чемъ не бывало: онъ также мало боялся непогодъ, какъ тюлени боятся бури; онъ такъ искусно лавировалъ, такъ ловко подставлялъ свои кривыя мачты подъ всѣ Антильскіе вѣтры, что небольшая, тяжело нагруженная его раковинка, съ легкостью рѣзвой гички, забороздила широкую влагу морей и, въ четверо сутокъ, очутилась въ параллели острова Тринидада.

Но на люгерѣ Дона Луиша не все были амфибіи и тюлени: на немъ были люди, были мужчины и женщины, которыхъ морская зыбь и качка верт-

ляваго судна до того измучила, что большая ихъ часть лежала безъ памяти въ койкахъ: въ числѣ этихъ пассажировъ находилась и знакомая намъ Эрнестина Кардоль, мнимая Алина Дидье, вдова убитаго режисера плантаціи, какъ видно было изъ ея паспорта: пассажирка-островитянка, это правда, но совершенно неспособная къ морской службѣ. . . .

Добравшись до привольныхъ береговъ, почти необитаемаго въ то время, острова Тринидада, онъ осушилъ въ честь его предлинный стаканъ Ямайскаго рому; привѣтствовалъ свои родныя моря полнымъ залпомъ изъ всѣхъ своихъ орудій и спѣшилъ снять съ себя маску честности, которая была ему вовсе не къ лицу.

Прежде всего сдѣлалъ онъ пріятный сюрпризъ Неграмъ-Марронамъ, выходцамъ изъ казенной тюрьмы: вмѣсто без-

наказанности и свободы, которую обѣщалъ онъ имъ за покраденное у бывшихъ господъ своихъ золото, велѣлъ онъ ихъ сковать и, въ ожиданіи Тринидадскихъ покупщиковъ на этотъ черный живой товаръ, приказалъ побросать его въ трюмъ, вмѣсто балласту. Вопль и стоны несчастныхъ и, вскорѣ потомъ, новая неволя, горшая первой, была наградой ихъ глупаго легковѣрія. Почти та же участь ждала и бѣдную Эрнестину: но ей, изъ какихъ-то расчетовъ, оставилъ онъ ея старую няньку Ярико, съ небольшимъ пачкомъ платья и нѣсколькими галантерейными вещами. Думать должно, однако же, что эти вещи оставилъ онъ ей не изъ жалости къ ея положенію, а потому только, что не подозрѣвалъ вовсе существованія ихъ: часть вещей сихъ была спрятана у старой Негритянки; что же касается до самой старухи Ярико, — онъ считалъ ее

нестоившею продажи. Всѣ прочіе пожитки и драгоцѣнности были разграблены и проданы Тринидадскимъ жидамъ. Само по себѣ разумѣется, что вмѣсто отвоза Эрнестины къ Дону-Лапесу, онъ объявилъ ее собственнымъ законнымъ призомъ и назначилъ ей мѣстопребываніемъ свою Куманскую *Гасьенду*. У Мараньонскаго форбана были притоны на всѣхъ этихъ малообитаемыхъ берегахъ: онъ считалъ ихъ своимъ вторымъ отечествомъ. Не одна несчастная дѣвица, не одна похищенная красавица, удостоились высокой чести служить ему собесѣдницами: онѣ потѣшали талантами своими, или красотою — этого полупортугальскаго, полумулаттскаго морскаго султана. Собравъ ихъ всѣхъ въ одно мѣсто, онъ могъ бы составить изъ нихъ порядочный гаремъ!

Кто опишетъ весь ужасъ Эрнестины, когда она узнала судьбу свою? Первое

движеніе ея было — броситься за бортъ или уморить себя голодомъ; но подъ сердцемъ ея уже билось живое существо; но въ отчаянную душу ея заронилась искра надежды на милость Божія промысла. Она припомнила чудесное избавленіе свое въ ту роковую ночь, когда безчеловѣчная шайка варваровъ истребила огнемъ и мечемъ все бывшее и жившее въ Валь-де-Грасѣ. Она даже радовалась, что не взяла съ собою добраго и вѣрнаго Негра Юмбо: злодѣй Мендесъ вѣрно продалъ бы и этаго усерднаго слугу своимъ Тринидадскимъ пріятелямъ.

Другое легкое судно, принадлежавшее Дону Іоао, отправлялось тогда въ его Куманское помѣстье. Это разбойничье гнѣздо находилось на берегахъ протока Макуонскаго (Chanal de Macuona) одного изъ рукавовъ рѣки Ореноко. До распродажи своего груза, разбойнику не-

возможно было туда ѣхать и онъ поручилъ свою новую жертву начальнику снимавшагося съ якоря судна, лейтенанту своему Дону Роко. Достойный наперсникъ варвара, настоящій Замбо, готовый на всѣ злодѣйства, онъ былъ правою рукою Мендеса-де-Пинто. Необходимость требовала, чтобы онъ поторопился отъѣздомъ, пока часть Антильскаго моря, отдѣляющая островъ Тринидадъ отъ Куманскаго побережья не сдѣлается слишкомъ бурнымъ; пока періодическія наводненія рѣки Ореноко и разныхъ рукавовъ ея не зальютъ Куманскихъ *льяносовъ* или поемныхъ долинъ; тогда, на утлой своей ладьѣ, ему было бы трудно добраться до высоты, на которой стояла Маріуская Мендесова гасьенда. Этотъ разбойничій притонъ имѣлъ видъ редута или острожка, обнесеннаго палисадомъ, отъ аллигаторовъ, ягуаровъ и дикихъ племенъ, которыя кочуютъ

по этимъ пустынямъ и которымъ рыбная ловля и разбой служили занятіемъ, а жилищемъ — вѣковыя деревья: они обыкновенно развѣшивали на нихъ свои воздушныя гамаки, почти также какъ Остъ-Индская ласточка свои висячія гнѣзда, столь дорого цѣнимыя Китайскими лакомками.

Донъ Роко скоро добрался до Куманскаго поморья и спускаясь на юго-востокъ вдоль береговъ этой части Испанской Гвіаны, вошелъ въ устье протока, называемаго здѣсь *Passo de Vaca.* Между тѣмъ дожди продолжались и Оренокскія воды начинали выступать изъ береговъ. Остановясь ночевать на сѣверо-западномъ берегу канала, Донъ Роковы Замбосы увидѣли на противуположной сторонѣ разложенный огонёкъ и причаленную къ берегу Европейскую шлюпку. Не справляясь къ какому судну она принадлежала, они тотчасъ рѣ-

шились захватить ее врасплохъ по Алжирски, и увести съ собою; для этого выждали они пока экипажъ шлюпки сойдетъ на берегъ и заснетъ. Прежде нежели успѣетъ шлюпка получить помощь, они надѣялись достичь до Мендесовой гасьенды. Для лучшаго успѣха въ своемъ предпріятіи, Донъ Роко оставилъ двухъ надежныхъ Замбосовъ при женщинахъ на берегу, а самъ, съ остальными шестью удальцами, пустился въ ладьѣ на добычу за шлюпкой. Но не всѣ ночныя воровства удаются. Донъ Роко, подкравшись къ шлюпкѣ нашелъ экипажъ ея на готовѣ и, когда онъ, выскочивъ на берегъ, принялся было отвязывать шлюпку, — по немъ выстрѣлили такъ мѣтко, что пуля пробила ему грудь и разбойникъ, истекая кровью, рухнулся въ воду. Чужестранцы вскочили всѣ, и между ими и нападавшими завязалась схватка на жизнь

и на смерть. Не трудно было десятерымъ дюжимъ Голландцамъ одолѣть приѣзжихъ разбойниковъ, уже разстроенныхъ смертью своего начальника. Вмѣсто того чтобы захватить чужое, они сами, израненные противниками, попались къ нимъ въ плѣнъ со всѣмъ грузомъ. Два остальные Замбоса, перепуганные криками и стрѣльбою, схвативъ гамаки свои и оружіе бросились бѣжать и увели съ собой двухъ женщинъ, а побѣдители, съ перевязанными плѣнниками и лодкою, отправились къ устью канала: все это произошло почти въ виду нашихъ бѣглецовъ. Тутъ два Замбоса, отгадавъ судьбу своихъ товарищей, которымъ по всей вѣроятности грозила висѣлица, рѣшились, во чтобы то ни стало, продолжать побѣгъ свой пѣшкомъ и, если можно, достигнуть берегомъ до гасьенды.

Идучи вдоль порѣчья, Замбосы без-

престанно посматривали, не сверкнутъ ли гдѣ во мглѣ ночной блестящіе глаза тигра, звѣря довольно обыкновеннаго въ Куманскихъ льяносахъ; они безпрестанно прислушивались, не раздадутся ли, въ безмолвіи этой дикой пустыни, завыванія ягуара, не менѣе страшнаго и обыкновеннаго въ степяхъ Оренокскихъ: но все было тихо и мертво какъ въ могилѣ. Наконецъ, пройдя нѣсколько сотъ саженъ и, остановясь на высотѣ одного прибережнаго утеса, они встрѣчены были ужаснѣйшею грозою; но грозою подъэкваторною, передъ которою наша Европейская — точно тоже что жужжаніе кузнечика передъ ружейнымъ бѣглымъ огнемъ. Змѣистыя молніи раздирали черный покровъ тропической ночи, перекаты ужаснаго грома потрясали землю и воздухъ: все предвѣщало близкое наводненіе и путники принуждены были остановиться. Истощенныя женщины по-

чти падали отъ усталости и не могли идти далѣе, а оставить ихъ на произволъ судьбы, въ странѣ вовсе для нихъ незнакомой, при всей природной жестокости Замбосовъ, имъ показалось слишкомъ безчеловѣчнымъ. Въ нихъ тлѣлась еще какая-то искра жалости, не чуждая даже и дикарей. Впрочемъ, и то сказать должно, — дикій варваръ всегда сострадательнѣе варвара просвѣщеннаго. Онъ безжалостенъ только къ тѣмъ, которымъ мстить почитаетъ своей обязанностью и закономъ. . . . . Чтобъ успокоить ввѣренныхъ имъ женщинъ и дать имъ отдохнуть, Замбосы развѣсили для нихъ гамаки на двухъ одинокихъ, огромныхъ мангловыхъ деревьяхъ, — разумѣется — выбравъ самое высокое для Эрнестины: имъ извѣстно было, что атаманъ ихъ Мендесъ прочилъ ее въ будущія свои подруги. Потомъ отправились они на поискъ какого нибудь чел-

на, надѣясь достать его у кочующихъ по рѣкѣ туземцевъ. Усталыя путницы скоро заснули сномъ праведницъ. Онѣ не знали еще, что разлука ихъ не будетъ имѣть конца въ здѣшней жизни!

На другой день, довольно поздно поутру, пробудилъ Эрнестину необыкновенный шумъ, подобный тому, который производятъ волны прилива или ревущіе буруны. Къ удивленію своему и ужасу, она увидѣла, что вмѣсто плоской зеленой саваны, по которой она бѣжала вчера отъ мнимыхъ непріятелей, очутилась она посреди необозримаго озера, образованнаго разлившеюся рѣкою. Грозный, оглушающій свистъ вѣтра морскаго, который хлесталъ въ нее водяными брызгами; отвратительные крики попугаевъ и обезьянъ, на вѣтвяхъ наводненной рощи; завыванія лютыхъ ягуаровъ, которые искали себѣ спасенія на высотахъ затопленной долины, и на-

конецъ безпомощность ея положенія, наполняли сердце Эрнестины ужасомъ неизъяснимымъ. Ни одинъ лучь надежды не проглядывалъ для нее въ темнотѣ будущаго: ее могла спасти одна посторонняя, почти невѣроятная помощь. Первымъ дѣломъ ея было — кричать: она громко звала свою спутницу, которой гамака была повѣшена въ чащѣ сосѣдняго дерева; но ни гамаки ни Ярико на немъ небыло. Вѣроятно ея воздушная постель, какъ нибудь дурно привѣшенная, оборвалась въ пучину и бѣдная Негритянка сдѣлалась жертвою плававшихъ вокругъ нее крокодиловъ, (называемыхъ здѣсь *аллигаторами* и *кайманами*). И такъ, злополучная Эрнестина, безъ пищи и помощи, оставалась одна, и гдѣжъ еще? на суку одинокаго дерева, окруженнаго со всѣхъ сторонъ водою! По счастію, дерево стояло на самомъ верхнемъ пунктѣ этой части лья-

носовъ, и тогда какъ около сосѣднихъ деревьевъ ходили сѣдые ревущіе валы и затопляли ихъ почти до половины пней; тѣже самые валы едва достигали всплесками своими до подножія холма, въ каменистую почву котораго врѣзались древесные корни высокаго мангла. Огромное это дерево, гигантъ дѣвственныхъ Американскихъ лѣсовъ, подъ чьимъ зеленымъ, развѣсистымъ шатромъ качалась Эрнестинина гамака, оставалось твердымъ и непоколебимымъ. Какъ бы то ни было, положеніе несчастной было ужасно; гораздо ужаснѣе того, въ которомъ за полвѣка назадъ, находилась злополучная Годень-дез-Одонѐ, на берегахъ Амазонской рѣки. Какъ ни бѣдственна была участь этой героини супружеской любви, жена знаменитаго Французскаго математика (*), при всемъ

(*) Г-на Годень-дез-Одоне, посылаемаго вмѣстѣ

одиночествѣ своемъ, при всей безпомощности — могла, по крайней мѣрѣ, сама отыскивать и путь свой и пищу; а Эрнестина, заключенная на тѣсномъ пространствѣ одинокаго дерева, не видала вокругъ себя ничего кромѣ воды или смерти! Надъ головою ея, какъ надъ вѣрною добычею, уже кружились лысые пустынные коршуны; подъ ногами своими видѣла она разинутые на нее зѣвы каймановъ; на деревѣ ожидала ее голодная смерть! И тамъ, и вездѣ представлялись ей, въ разныхъ образахъ, одна смерть и погибель! Содрогнувшись до глубины души, въ физическомъ и моральномъ изнеможеніи, она снова закрыла глаза и погрузилась въ отчаянный обморочный сонъ. Такъ пролежала она весь день, весь вечеръ, всю ночь — до слѣдующаго утра. . . .

съ Бугеромъ и Ла Кондаминомъ, для измѣренія градусовъ меридіана у Кордальеровъ.

Сильный холодъ и лихорадочная дрожь пробудили ее. Проливной дождь хлесталъ ей прямо въ лицо, и она, въ полномъ смыслѣ этого слова, плавала въ своей кожаной гамакѣ; положеніе ея сдѣлалось невыносимымъ. Она снова начала кричать, умоляя о помощи. Но тщетные вопли ея, теряясь въ дикой пустынѣ, сливались съ унылымъ воемъ вѣтра и страшнымъ ревомъ волнъ. Тутъ выползла она, какъ смогла, изъ своей висячей тюрьмы, и проткнувъ гамаку однимъ острымъ сукомъ Мангленры, довольно удачно выпустила изъ нее воду; потомъ, съ опасностью жизни своей, усѣлась на развилку двухъ толстыхъ вѣтвей, выдавшихся наружу. На нѣсколько минутъ разсѣялся сѣрый туманъ и проглянуло восходящее солнце: она привѣтствовала его молитвою къ Спасителю міра и, оживленная пламенною вѣрою, почувствовала временное облегченіе сво-

его душевнаго и тѣлеснаго горя. Дождь рѣдѣлъ и, на нѣсколько времени, совершенно прекратился: крупныя капли его повисли на обсыхавшихъ вѣтвяхъ. Тутъ могла она, хоть нѣсколько, обогрѣться въ теплотѣ лучей полуденнаго солнца. Но съ уменьшеніемъ внѣшнихъ страданій, она почувствовала другое, внутреннее страданіе: голодъ начиналъ сильно ее мучить. Не имѣя ничего подъ рукою кромѣ листьевъ мангла, на которомъ находилась, она хотѣла и боялась ихъ отвѣдать. Вдругъ — что-то мелькнуло въ густой чащѣ дерева и огромная ящерица изъ роду *Игванъ,* усѣвшись прямо противъ нее на ближнемъ суку, вперила въ нее два глаза свои, сверкавшіе какъ два раскаленные угля. При видѣ этого безобразнаго, отвратительнаго (хотя и неопаснаго) животнаго, она, въ непреодолимомъ ужасѣ, закрыла глаза и едва удержалась на своей воздушной сѣ-

далкѣ. Черезъ минуту, она опять взглянула и тѣже два бѣглые огненные глаза животнаго были первымъ предметомъ, поразившимъ ея взоры. Ей показалось однакожъ на этотъ разъ, что игвана вовсе не занимаясь ею, щипала и ѣла древесные листья; послѣ чего и она рѣшилась ихъ отвѣдать; но пожевавъ немного, принуждена была отказаться отъ этой пищи. По счастію, обратясь къ своей гамакѣ, она нашла въ ней кусокъ розмоченной дождемъ, Маньоковой лепешки, вѣроятно позабытой двумя Замбосами, а можетъ быть и нарочно для нее оставленной. Съ благодарностію къ небесному промыслу, бросилась она на эту скудную пищу и спѣшила утолить пожиравшій ее голодъ. Тутъ нашла она еще небольшой складной ножъ, и эта находка сдѣлалась орудіемъ ея будущаго спасенія. Отрѣзавъ одну длинную и довольно толстую вѣтвь и заостривъ ее

съ одного конца, она наблюдала за дѣйствіями мнимаго врага своего, страшной для нее игваны. Объѣвъ ту вѣтку, на которой она сидѣла, это быстрое животное, перепрыгивая съ сука на сукъ, очутилась надъ ея головою. Желая избавиться отъ такого непріятнаго сосѣдства, Эрнестина рѣшилась прогнать незваную гостью и, длинной вѣтвью своей, треснула ее по головѣ. Оглушенная ящерица, еще больше испуганная чѣмъ сама Эрнестина, съ быстротою молніи, скрылась въ развѣсистой вершинѣ дерева и уже болѣе не показывалась. Почти во всю слѣдующую ночь Эрнестина не могла или не смѣла заснуть: иногда, и то на нѣсколько минутъ, забывалась она отъ изнеможенія; но этотъ сонъ былъ не дологъ и больше походилъ на какую-то летаргію, чѣмъ на благотворный даръ небесъ, возобновляющій въ насъ угасшія силы. На третье утро воз-

душной жизни своей, она съ восторгомъ увидѣла, что наводненіе пошло на убыль. Окружавшая ее панорама затопленныхъ льяносовъ начинала пестрѣть: сперва обрисовались вершины береговыхъ утесовъ; потомъ, мало по малу, стали выказываться изъ воды свѣтло-зеленые холмики, глянцовитые пни экваторіальныхъ пальмъ; но вдругъ, сквозь мглу паровъ прорѣдѣвшаго утренняго тумана, примѣтила она огромнаго ягуара; лютый этотъ звѣрь боролся съ волнами; ворча и завывая, онъ усиливался достичь вплавь до подножія дерева, на которомъ находилась Эрнестина. Съ отчаяніемъ увидѣла она что ягуаръ, влекомый къ ней голодомъ или инстинктомъ, уже высовывалъ изъ воды свои переднія лапы и цѣплялся когтями за выдавшійся древесный корень: еще мгновеніе и онъ на холмѣ, еще другое и онъ на деревѣ, и она — его вѣрная добы-

ча! Ужасъ, отчаяніе и врожденное человѣку чувство самосохраненія придаютъ ей бодрость и силу, для нее самой непонятную: она схватываетъ свою заостренную вѣтвь и быстро, какъ мысль, поражаетъ ею яростнаго звѣря, прямо по высунутой его мордѣ. Но ягуаръ не игвана: испустя бѣшеный рыкъ, онъ увертывается отъ вторичнаго удара, и позади дерева выскакиваетъ на обсохшую площадку; дикіе, налитые кровью глаза его уже слѣдятъ свою жертву, уже онъ, отряхнувшись по кошечьи, отъ лившей съ него воды, приникаетъ къ землѣ и примѣряется какъ бы лучше вспрыгнуть на сукъ, который поддерживаетъ Эрнестинину гамаку; потомъ, вдругъ перемѣняетъ положеніе: становится на заднія лапы и, вытянувшись во всю длину своего тѣла, уже облапилъ часть древеснаго пня: уже разверзтая пасть его почти касается

ногъ Эрнестины: она чувствуетъ теплоту его дыханія, видитъ страшное сверканіе его глазъ и, въ изступленномъ отчаяніи, перевѣсясь половиной всего тѣла своего за край гамаки, мгновенно, вонзаетъ меткій ножъ свой прямо въ глазъ разъяреннаго звѣря. Пораженный внезапною болью, ослѣпляемый потоками собственной крови своей, ягуаръ катается, какъ бѣшеный, на площадкѣ; тогда несчастная страдалица, собравъ послѣднія силы свои, со всего размаху хлещетъ его длинной суковатой вѣтвью дерева по здоровому его глазу. Оглушаемый ударами, ягуаръ отскакиваетъ въ противуположную сторону, которой не видать ему выколотымъ глазомъ и, оборвавшись съ утеса, падаетъ стремглавъ въ крутоберегій протокъ рѣки; его выжидали лютые аллигаторы, непримиримые враги всего живаго. Въ одно мгновеніе, разрываютъ они его на части,

какъ бы въ отмщеніе за то, что многіе однородцы ихъ завязнувъ, послѣ наводненія, въ намойномъ илѣ луговъ, дѣлались не разъ добычею его братьи. Suum cuique!

Спасенная Эрнестина, громко благодаритъ Бога за свое чудесное избавленіе: едва кончаетъ она свою трогательную молитву, какъ ярко блеснувшее солнце освѣщаетъ ей вдали уносимый теченіемъ осмивесельный барказъ: но сильные и ловкіе гребцы преодолѣваютъ быстроту водъ и направляютъ путь свой на перерѣзъ струи къ противулежащему берегу. Эрнестина кричитъ отъѣзжающимъ, но крики ея заглушены шумящею рѣкою: она срываетъ съ себя платокъ и, на-скоро привязавъ его къ своей спасительной вѣтви, махаетъ этимъ искуственнымъ флагомъ. Одинъ изъ гребцовъ увидѣлъ его, и вотъ — судно перемѣнило гальсъ, и благодѣтельный бар-

казъ причаленъ къ дереву Эрнестины. Радость лишаетъ ее чувствъ: несчастная вмѣстѣ съ ея гамакою перенесена Голландцами въ небольшое ихъ судно. Нѣжныя попеченія двухъ бывшихъ на немъ женщинъ возвращаютъ ее къ жизни, и вскорѣ на корветѣ «de Moje Grittje (*прекрасная Гритта*)» приплываютъ они къ обитаемой землѣ: корветъ бросаетъ якорь на рейдѣ города Парамарибо, столицы Суринама и Голландской Гвіаны.

—

IX.

Эпилогъ разсказа Эрнестины.

Отрывокъ изъ письма капитана Бакера къ женѣ своей Эмиліи въ Эссеквебо.

Ты хочешь знать, несравненная моя Эмилія, что дѣлается съ прекрасною Аріадною, которую другъ нашъ Корнелисъ такъ удачно спасъ на берегахъ Ореноко. Она точно прелестна; она плѣнительна какъ роскошная природа Вестъ-Индіи, какъ всѣ вы милыя, очаровательныя Креолки. Но ты напрасно шу-

тишь на счетъ моего сердца; развѣ можетъ оно полюбить другую? Будь справедливѣе къ самой себѣ, моя Эмилія, взгляни на милый образъ твой, повторяемый струею родимой рѣки — и осмѣлься сказать потомъ, что супругъ, — любовникъ твой, что счастливецъ твой Генрихъ, можетъ сравнить другую красавицу съ прелестною матерью своего сына? своего амурчика Вилле́ма? . . . . Но ты сама знаешь плутовка, что это дѣло несбыточное. . . . . Не всѣ однакожъ такъ счастливы какъ твой Генрихъ и интересная Алина Дидье, шестнадцати-лѣтняя красавица, овдовѣвшая во время Сен-Домингской рѣзни, должна была ихъ очаровать; она болѣе сдѣлала: растопила одно каменное, ледяное сердце; сердце нашего добрѣйшаго, положительнѣйшаго Корнелиса. За избавленіе свое она заплатила ему жесточайшимъ плѣномъ: она приковала его

къ себѣ такими узами, какихъ не разорвутъ ни время, ни обстоятельства. И знаешь ли сколько времени нужно было этой юной волшебницѣ, на всѣ сіи чудеса? Трехъ дней пути отъ Ореноко до Парамарибской нашей конторы! Компаньонъ мой Корнелисъ просто съ-ума сошелъ, и въ такомъ теперь положеніи, что ничѣмъ кромѣ любви своей не въ состояніи заниматься. Однимъ словомъ, — пока онъ не оправится отъ болѣзни своей — я не смѣю повѣрить ему ни одного дѣла, ему, которому я, упиваясь твоею любовью, повѣрялъ не только наши общія, но и мои собственныя дѣла. А исцѣлиться можно ему не иначе, какъ женясь на своей очаровательницѣ, и я, не предвидя инаго средства освободиться отсюда, принужденъ былъ записаться въ сваты. Но отгадай, чѣмъ я былъ встрѣченъ? . . . . Чистымъ категорическимъ отказомъ! . . . . Послѣ всѣхъ

приключеній нашей странствующей красавицы, извѣстныхъ тебѣ изъ послѣдняго письма моего (*), ты удивишься можетъ быть этому отказу. Но узнавъ причины его, ты сама полюбишь жестокую красавицу, если не полюбила ее заочно. Она разсказала мнѣ, какъ старшему въ домѣ, всѣ заблужденія свои и несчастія, и сдѣлала это съ такою скромностію и добродушіемъ, съ такой откровенностію и простотою, что тронула меня до глубины сердца. Я вообразилъ себѣ ея сиротство и тѣ бѣдствія, которыми она искупила свой минутный проступокъ, и то уничиженіе, которому она добровольно подвергла себя въ глазахъ своихъ единственныхъ благодѣтелей, что я не могъ не извинить ее. Она просила меня передать все слышанное Корнелису, и я началъ-было намекать

(*) Письмо сіе затеряно.

ему объ этомъ общими мѣстами, не скрывая отъ него беременности Эрнестины, но онъ заткнулъ себѣ уши; и не хотѣлъ ничего слушать; довольно было съ него, что она могла прикрыть проступокъ свой тѣмъ ложнымъ именемъ вдовы Дидье, которымъ она была названа въ своемъ паспортѣ и не рѣшилась обмануть своихъ благодѣтелей. Ея благородная откровенность, ея добровольное уничиженіе, не только не поколебали нашего друга, но еще болѣе плѣнили его. Онъ не иначе хотѣлъ жениться на ней, какъ подъ именемъ Алины Дидье и поклялся усыновить ея будущее дитя, если только прекрасная Алина согласится принять фамилію *фанъ-Вестбарендрехтъ*, слово, котораго ей даже не выговорить, такъ хитро оно для Французской Креолки: двѣ недѣли продолжались у насъ переговоры; наконецъ любовь Корнелиса, благородная

твердость его характера, благодарность Алины, (такъ будемъ мы называть ее, въ угодность нашему другу), ея материнская заботливость о судьбѣ своего будущаго дитяти, можетъ быть и нѣчто больше чѣмъ признательность къ доброму Корнелису, восторжествовали надъ неумѣстными недоумѣніями: Эрнестина, или лучше сказать Алина, согласилась отдать руку свою честнѣйшему изъ людей, и сватьбѣ назначено быть послѣ-завтра, какъ нарочно — въ самый день рожденія нашего друга. Въ первую минуту боялся я новаго пароксизма прежней болѣзни Корнелиса, боялся чтобъ онъ не сошелъ съ ума отъ радости. Но все обошлось какъ лучше быть нельзя: довольный своимъ счастіемъ, онъ принялся опять за дѣла, если не съ прежнею точностію, то по крайней мѣрѣ съ прежнею готовностію! Будемъ надѣяться, что обладаніе Алиною возвратитъ ему

прежнюю его дѣятельность и охоту къ занятіямъ, которыхъ цѣлью будетъ милая жена и будущее потомство. До тѣхъ поръ дружба моя замѣнитъ Корнелиса въ нашихъ общихъ дѣлахъ и, потомъ, ждетъ меня у пристани корветтъ «прекрасная Гритта,» снаряженный въ Эсеквебо, къ прекрасной моей Эмиліи, и къ ангелу моему Виллему!... Каковы проэкты?... То-то будетъ потѣха, если Мефрау фанъ-Вестбарендрехтъ, вмѣсто Аморозины родитъ намъ маленькаго Амура! Это будетъ нѣчто въ родѣ тѣхъ младенцевъ, которыхъ нѣкогда жаловали въ капитаны гвардіи до рожденія ихъ и вмѣсто которыхъ раждались будущія капитанши.

—

X.

Развязка.

Что наша жизнь!... обширная могила,
Долина взрытая войной,
Гдѣ намъ судьба опредѣлила
Начать и кончить вѣкъ слезой;
А радости въ странѣ родной
Вдали — за синими горами,
Тамъ далеко за облаками,
Гдѣ свѣтъ, блаженство и покой!

Было поздно, когда Корнелисъ съ Аньесою кончили чтеніе. Аньеса молча закрыла лице свое руками. Добрый Нидерландецъ взялъ ея обѣ руки и взглянулъ на падчерицу свою съ видомъ нѣжнаго упрека. — Нѣтъ, я менѣе чѣмъ сирота! — сказала сквозь слезы дѣвушка,

потупляя глаза: я безродная! — Аньеса къ чему эти жалобы? Они грѣхъ предъ Богомъ; обида для меня! — Обида для тебя, благодѣтель, отецъ, добрый ангелъ-хранитель мой! О нѣтъ! ты не повѣришь, чтобы преступная мысль обидѣть тебя, могла вкрасться въ благодарное мое сердце! Оно полно любви къ тебѣ: ты и добрая маминька — вы оба, вы одни, душа и радость жизни моей! — А развѣ ваше счастіе не есть цѣль моей жизни? сказалъ Корнелисъ, прижимая Аньесу къ груди своей: успокойся дитя мое, и чтобы грустныя слова *сирота, безродная* и тому подобныя глупости, никогда тебя болѣе не возмущали. Прощай! моя Аньеса, теперь часъ за полночь, и обоимъ намъ пора спать. — Батюшка! благословите меня! сказала дѣвушка цѣлуя его руку. Растроганный Корнелисъ благословилъ свою падчерицу, поцѣловалъ въ чело и утѣшенная

Аньеса, еще разъ взглянувъ на своего отчима, послала ему, прощальный поцѣлуй и ушла въ свою комнату. Не знаю, что она думала въ это время; но, вѣроятно, думы ея скоро сдѣлались грезами счастія: и въ самомъ снѣ своемъ улыбалась Аньеса, какъ улыбаются ангелы, какъ улыбается сонный младенецъ.

—

На другой день получено письмо изъ Ахена; вслѣдъ за нимъ должна была пріѣхать и хозяйка дома. День этотъ былъ вмѣстѣ и праздникомъ и днемъ работы Египетской для всѣхъ домашнихъ: Юфрау Роза хлопотала около кухни и пріемныхъ комнатъ, и отъ ней порядочно доставалось кухаркѣ и горничной. Schoonmaaken (*чистка и мытье дома*) волшебный звукъ, приводящій въ движеніе все женское хозяйство въ Голландіи, раздавался во всѣхъ углахъ

Вестбарендрехова дома. Въ помощь обыкновеннымъ служителямъ нанята была не одна *поденная чистильщица* (schoonmaakster): на дворѣ выколачивали ковры (tapetten) и узенькіе коврики (carpetten) разстилаемые отъ двери до двери въ бесѣдныхъ комнатахъ; на улицѣ стояла ручная помпа, которою окачивали наружную сторону дома и оконъ, а внутри чистили стѣны, мыли полы, окна и подъоконья: однѣ лощили мебель, другіе обметали пыль, чтобы хозяйка, пріѣхавъ домой, могла засмотрѣться какъ въ зеркало въ каждый уголокъ, въ каждую вещицу своего дома. Кухарка въ бѣломъ передникѣ и воскресномъ чепцѣ, то суетилась около огромной части телятины, жарившейся на очагѣ, то подсыпала соли въ кострюлю съ морскими Бёйкслотскими окунями, любимымъ блюдомъ госпожи своей: внимательная Юфрау Роза, засуча рукава по самые локти,

какъ главнокомандующій, какъ центръ радіусовъ домашняго круга, съ заботливостію истинной Норт-Голландской хозяйки, распоряжала работами своихъ подчиненныхъ, то ободряла старательныхъ, то подстрѣкала лѣнивыхъ. Хозяинъ заточенъ былъ въ свою рабочую контору, и ни его, ни Юфрау Розы, а еще менѣе мамзель Аньесы (ни для кого) *не было дома*, и это неумолимое «niet t'Huis!» продолжалось до тѣхъ поръ, пока *государственное* дѣло прибора комнатъ не приведется къ желаемому концу. Во всей этой суматохѣ была безъ офиціальнаго дѣла одна Аньеса, еще не посвященная во всѣ мистеріи Нидерландской стряпни и чистоты. Ходя взадъ и впередъ по слѣдамъ своей наставницы, какъ адъютантъ за своимъ главнокомандующимъ, она нерѣдко вкривь и вкось помогала Юфрау Розѣ разставлять по комнатамъ разныя вещи и очень часто по-

лучала выговоры за неловкое исполненіе начальственныхъ распоряженій. Нерѣдко, позабывъ о данномъ ей приказаніи и предвкушая радость свиданія съ матерью, она начинала прыгать, и бить въ ладоши, какъ малый ребенокъ: въ восторгѣ радости своей, не разъ опрокидывала то рабочій столикъ, то табуретъ и едва не разбила драгоцѣнную японскую вазу, присланную отчиму ея Нангасакскимъ Опперъ-Гофтомъ Голландской факторіи.

Наконецъ великое дѣло очищенія, омовенія и уборки дома приведено къ концу: Аньеса, перебѣгая взадъ и впередъ отъ оконъ дома къ старинным мраморнымъ часамъ бесѣдной комнаты, считала минуты, остававшіяся до пріѣзда своей милой маминьки; Юфрау Роза, любуясь на устроенный ею порядокъ, пододвигала къ ногамъ своимъ жаровню съ турфомъ, надъ которымъ Голландскія кра-

савицы съ такимъ наслажденіемъ поджариваютъ свои ножки и, съ торжествомъ побѣдителя, готоваго опочить на лаврахъ, усаживались въ старинныя, штофомъ обитыя кресла передъ окномъ; у другаго окна сидѣлъ самъ хозяинъ; въ груди его билось благородное сердце, волнуемое пріятными ожиданіями; въ зубахъ его дымилась Терхоуская глиняная трубка, съ кнастеромъ, которую, молча, раскуривалъ имъ на горячей турфинѣ, уложенной въ Дельфтскую латку коричневаго цвѣта; возлѣ нее, на подъоконьѣ, стоялъ фарфоровый *квиспельдоръ* (*) сосудъ, имѣющій форму старинной буквы *икъ* (ꙋ), котораго употребленіе, — на одномъ и томъ же столѣ съ чайнымъ приборомъ — *не помогало пищеваренію иностранца.* Но таковъ обычай въ Голландіи; а обычай

(*) Плевательница.

вторая натура. Что странно для однихъ, естественно для другаго. — «Ѣдетъ, ѣдетъ!» вскричала запрыгавшая Аньеса, и опрометью бросилась къ дверямъ. «Алина! дражайшая Алина!» вскричалъ степенный Корнелисъ Фанъ-Вестбарендрехтъ, едва не прыгая за своею падчерицею къ дверямъ: трубка выпала у него изъ рта и разбившись въ дребезги, осыпала горячимъ пепломъ великолѣпный коверъ; честный толстякъ позабывъ запереть за собою дверь, съ живостію юноши, выскочилъ въ мраморную *аллею* (*) и перескакиваетъ *черезъ два въ третій* со ступеньки на ступеньку. Еще нѣсколько мгновеній и оба они у крыльца встрѣчаютъ уже пріѣхавшую изъ Ахена Алину. «Маминька душечка!» почти сквозь слезы кричала ей радостная

(*) De allèe — Сѣни, ведущія въ кухню и бесѣдную Голландскихъ домовъ.

Аньеса. «Алина милая супруга!» говоритъ, едва не задыхаясь отъ радости добрый Корнелись и оба осыпаютъ ее нѣжнѣйшими поцѣлуями, и оба высадивъ ее изъ кареты, почти несутъ въ бесѣдную комнату, гдѣ перепуганная Юфрау Роза подбирала горящій пепелъ съ драгоцѣннаго Англійскаго ковра и ворчала что-то сквозь зубы о странности людей, о неосторожности курильщиковъ, у которыхъ нѣтъ крышекъ на глиняныхъ трубкахъ.

—

Чтобы не впасть въ элегію, всегда скучную для читателей, мы перейдемъ въ молчаніи первыя минуты свиданія Алины съ ея семействомъ. Отъ элегіи до зѣвоты одинъ шагъ, точно также какъ «отъ высокаго къ смѣшному.» Время вздоховъ и слезныхъ драмъ миновалось. Элегико-піитическія нѣжности

слишкомъ сладки для нашего вѣка, устарѣлаго вѣка прозы и положительности. Намъ нуженъ не медъ и не сахаръ, а пряности, отъ которыхъ щиплетъ языкъ. Но вотъ другая бѣда! какъ бы не попасть намъ изъ огня въ полымя, — въ разрядъ новѣйшей *неистовой литературы?* Мы такъ часто и основательно возставали противъ этой неистовой литературы и признаемся другъ другу на ушко! — возставали безотчетно. . . . Почему? — Оттого что и на нее прошла мода. . . . Но понимали ли мы значеніе этого слова — «*Неистовая Литература?*» — Кажется не всегда и не всѣ.

Одни причисляли къ «неистовой литературѣ» всѣ ужасы, выходящіе изъ круга обыкновенныхъ дѣйствій — убійство, грабежи, пожары, святотатство, кровосмѣшенія, и тому подобныя *страсти* (*) Но все это видѣли мы въ пе-

(*) Здѣсь слово «*страсти*» употреблено въ пере-

чати гораздо прежде созданія слова «неистовая литература» — въ твореніяхъ Люиса, Радклифъ и имъ подобныхъ! Другіе называли «неистовою литературою» ниспроверженіе идей, связующихъ общество, какъ напримѣръ въ нѣкоторыхъ твореніяхъ Евгенія Сю, Жоржъ Занда, Виктора Гюго, Александра Дюма, и имъ подобныхъ. Третьи, удостоивали причислять къ тому же разряду невиннаго и почти всегда нравственнаго Поль-де-Кока, *часто скоромнаго*, это правда, но всегда веселаго, и не смотря на то гораздо менѣе опаснаго для нравственности, чѣмъ остроумный циникъ Пиго-ле-Брёнъ, на котораго въ свое время курсъ стоялъ по 200 процентовъ, котораго творенія переведены почти всѣ и пересажены на нашу Русскую почву.

носномъ смыслѣ, можетъ быть нѣсколько тривіальномъ, напр. *страсти — ужасть*.

По мнѣнію нашему, къ «неистовой литературѣ» можно причислить только сочиненія втораго разбора, въ которыхъ безнравственность XVIII столѣтія скрывается подъ личиною добросовѣстности и которое — какъ разсадникъ ядовитыхъ растеній, посѣянныхъ Волтеромъ и компаніею, распустился и процвѣлъ въ наше время, трудами и попеченіемъ садовниковъ XIX вѣка. Не допускать плодовъ сего сада до созрѣнія есть нашъ долгъ, обивать ихъ, пока не заразили они людей, есть дѣло правительства и цензуры, гдѣ она существуетъ. Но причислять безотчетно все ужасное, все потрясающее души читателей, къ неистовой литературѣ было бы и несправедливо и нелѣпо. Тогда лучшія творенія Шекспира, Шиллера, Кальдерона, Данте, прославившія ихъ отечественную литературу и Европейскій умъ, должно бы было изгнать изъ области изящна-

го. Не ужасы, которыми такъ богата наша бѣдная жизнь, но способъ и цѣль изложенія этихъ ужасовъ вредны для *человѣчности* (Humanität). Если я, изображая какое нибудь ужасное событіе, какое нибудь преступное дѣйствіе или заблужденіе, наслаждаюсь униженіемъ или страданіями преступника, съ вожделѣніемъ тигра повертываю зазубренной кинжалъ въ глубокой его ранѣ, — я демонъ, не человѣкъ, и сочиненіе мое достойно омерзѣнія; если я, пользуясь моимъ даромъ обаять ближняго, безстыдно и умышленно сыплю розы на грязь порока, — я злодѣй; если я, въ припадкѣ личнаго ожесточенія противъ одного или нѣсколькихъ правительственныхъ лицъ, возстаю софизмами противъ всѣхъ сословій, къ которымъ принадлежатъ эти лица; или новый Ламене, осмѣливаюсь, для большаго заблужденія ближнихъ, подкрѣплять мои политическія бредни

фальшивыми цитатами изъ народнаго вѣрованія; если я въ порывѣ желчной досады на судьбу за мои личныя неудачи, за мое разочарованіе, потрясаю вѣру въ правосудіе Божіе, или въ безумномъ самонадѣяніи — *новомоднаго пирронизма*, дерзаю разоблачать таинства откровенія, подобно какому нибудь Штраусу, то сочиненіе мое должно сжечь у позорнаго столба: но если я, пользуясь трагедіею жизни, хотя бы и со всѣми ея ужасами, употребляю ее какъ средство для указанія читателямъ, куда ихъ можетъ привесть первый необдуманный шагъ, первый ихъ проступокъ; когда я представляю порочнаго въ видѣ человѣка, который, оступясь съ первой ступени лѣстницы низвергается до ея подножія; если я рисую эту картину для того, чтобы показать всю опасность перваго необдуманнаго шага къ паденію, перваго отступленія отъ законовъ чистой прав-

ственности; когда я живописую опасность торжества страстей, надъ разсудкомъ, то я писатель нравственный и сочиненіе мое, какъ бы оно ужасно ни было, не можетъ принадлежать къ разряду «неистовой литературы.» Самыя страшныя послѣдствія перваго проступка покажутъ только опасность его, опасно́сть предаваться буйному порыву страстей и рѣзкое изображеніе этихъ послѣдствій, — если бы даже и вышло оно за предѣлы нашей житейской сферы, — будетъ назидательно и полезно. Общій выводъ изъ моей темы есть слѣдующій: *не все то золото что блеститъ; не все грязно что мрачно.*

Но возвратимся къ нашимъ дѣйствующимъ лицамъ. Заглянемъ, что дѣлается въ ихъ скромномъ семейственномъ кругу. Всѣхъ довольнѣе въ немъ была Юфрау Роза; добрая Алина не находила словъ какъ отблагодарить ее за поря-

докъ въ домѣ, за бездну мелочныхъ подробностей своего житейскаго приволья. Всѣхъ веселѣе была мамзель Аньеса, которая дождалась друга своего — *мамаши*, и успѣла пересказать ей тысячу подробностей житья-бытья своего съ прекраснымъ постояльцемъ, *съ добрымъ и застѣнчивымъ* барономъ д'Ардиньи. Трудно было рѣшить, что именно чувствовала мамзель Аньеса къ прекрасному барону до роковаго чтенія записокъ своей матери. Если пріятность бесѣдовать съ нимъ можно было принять за любовь, то она любила барона какъ дѣвушки ея лѣтъ любятъ, создаваемые юнымъ воображеніемъ ихъ идеалы. Или нѣтъ: — Аньеса не знала еще что такое *идеалъ* мужчины; — невинность ея незнакома была еще съ терминологіею любви; кромѣ Французскихъ сказокъ Беркепя и Голландскаго фанъ Олеффенова журнала «Дѣтскій другъ,» милая Аньеса не чи-

тала ни одной вымышленной, ни одной полусправедливой повѣсти изъ плодовитой фамиліи романовъ; ей неизвѣстна была теорія любви, а и того менѣе практика этой опасной науки. Но инстинктъ женщины? спросятъ мои читатели. — Онъ еще не пробуждался въ ней, милостивые государи. — Помилуйте! о своемъ ли вы умѣ? Развѣ Аньесѣ не минуло тогда цятнадцати лѣтъ, развѣ забыли вы погудку нашего времени,

Il n'y a plus d'enfans!

Развѣ забыли вы пѣсенку:

On dit qu'a quinzeans
On plait, on aime, on se marie....

А особливо — взглянувъ на западную Европу? — Все это помню и знаю; но какъ историкъ не лживый, долженъ я описывать одну истину; не возможное, а былое: иначе, разсказъ мой превратился бы въ басню, герои и героини его въ столько же а *миѳовъ*. Можетъ быть, мило-

стивые государи, Аньеса была въ состояніи того безпокойства, которое можно назвать предвѣстникомъ нѣжнѣйшихъ нашихъ ощущеній; и которое такъ мило описано у Катса въ поэмѣ его Het Houwelyk (*), можетъ быть она начинала чувствовать предпочтеніе къ милому барону, первому любезному, образованному мужчинѣ, первому ловкому щеголю допущенному въ ея домашній кругъ, и могла со временемъ полюбить своего барона. Но какъ какою любовью? Это еще небыло рѣшено въ совѣтѣ ея сердца и дѣвичьяго разсудка. Она прежде хотѣла посовѣтоваться съ маминькой о судьбѣ своего сердца, какъ о новомъ модномъ платьицѣ къ святкамъ, какъ о куклѣ къ новому году. Но вотъ она прочла приключенія своей маминьки и передъ нею открылся новый умственный міръ, гдѣ цвѣтъ ро-

(*) См. прелестную пѣснь этой поэмы, названную de Vryster (дѣвушка въ порѣ любить).

зовый замѣнился, если не чернымъ какъ ночь, то сумрачнымъ и туманнымъ какъ осеннее Голландское небо. Зародышъ чувства любви къ другому полу, замеръ въ испуганномъ ея сердцѣ: она боялась ошибиться въ выборѣ, какъ Эрнестина ошиблась въ любви своей къ вѣтренному Деркуру. Кто знаетъ, удалось ли бы ей также удачно разыграть свой романъ, свою опасную ролю мечтательницы, какъ разыграла ихъ Эрнестина? Вспугнутая пташка укрылась подъ крыло своей матери и снова запѣла и затрепетала отъ радости, какъ въ прежніе часы своей беззаботной жизни: лучшему другу своему — матери, предоставила она обдумать за нее будущее и въ этомъ случаѣ — сама она чувствовала — что была гораздо ее счастливѣе. Не таковы были чувства Эрнестины. Любимою мечтой ея была надежда выростить Аньесу для Виллема, сына незабвенной Эмиліи

Бакеръ, которой дружественная рука исторгла ее изъ области мечтаній, вывела ее на прямую дорогу къ земному счастію, къ счастію *христіанской жены домовницы* — какъ говоритъ *философъ поэтъ Голландіи*, знаменитый Катсъ (*). Обѣ матери — съ такой *вѣрой*, *надеждой* и *любовью* лелѣяли мысль этаго союза и мужья ихъ такъ восхищались ею! Мысль эта была пріятнѣйшею грезою добраго Корнелиса и одно мгновеніе — разрушало многолѣтнія думы, ожиданія столькихъ сердецъ; союзъ дружбы, скрѣплявшійся симъ предположеннымъ союзомъ! Но тутъ же вмѣстѣ встрѣчалось и другое возраженіе: если сердце Аньесы уже отдано барону-очарователю; если, для прихоти своей матери, пришлось бы Аньесѣ пожертвовать всѣмъ счастіемъ своей жизни? О! эти споры ума и серд-

(*) Въ превосходной поэмѣ своей de Christelyke Huis-Wyf.

ца до того потрясли нервы чувствительной Креолки, еще не совсѣмъ оправившейся отъ болѣзни, что всѣ прежніе припадки ея готовы были возобновиться. Она принуждена была прилечь на софу, въ ожиданіи барона, который обѣщалъ явиться къ обѣду. Юфрау Роза занималась шитьемъ; Аньеса разъигрывала на фортепьянахъ веселыя варьяціи Тепперде-Фергюсона, Эрнестина-Алина слушала ее съ какимъ-то тревожнымъ предчувствіемъ. И въ эту самую минуту входитъ хозяинъ дома Корнелисъ фанъ-Вестбарендрехтъ: въ рукахъ его развернутое письмо, которое онъ прячетъ въ карманъ, стараясь принять на себя веселый видъ; но лице измѣняетъ его доброй волѣ: примѣтно что онъ огорченъ, и жена его тотчасъ угадываетъ настоящія его чувства: она даетъ знакъ Аньесѣ перестать, и подзываетъ къ себѣ своего мужа.

«Что съ тобою добрый другъ мой? Ты что-то не веселъ.» — «Вамъ ли объ этомъ спрашивать, моя безцѣнная Алина! Могу ли я скучать, когда мы опять вмѣстѣ въ одномъ семейномъ кругу?» — Съ этимъ словомъ, Корнелисъ сѣлъ возлѣ жены своей и поцѣловалъ ея руку. «Ты обманываешь меня, Корнелисъ, ласково возразила жена: я видѣла въ рукахъ у тебя письмо....» — «Да, конечно, я получилъ письмо; мнѣ прислалъ его съ неутральнымъ Американскимъ судномъ, другъ нашъ г. Бакеръ, изъ Эссеквебо.» Послѣднія слова сказалъ онъ въ полголоса. Въ это время Аньеса, отвлеченная матерью своею отъ фортепьяна, взглянула на часы, и увидѣвъ что скоро ударитъ пять, подошла къ Юфрау Розѣ, прошептала ей что-то о столѣ, о скоромъ прибытіи постояльца ихъ, ожидаемаго къ пяти часамъ изъ Утрехта, и обѣ онѣ вышли, повто-

ряя между собою: *этотъ милый баронъ, этотъ добрый баронъ!*» остальнаго нельзя было разслушать. «Она называетъ его *милымъ*, *добрымъ барономъ*, повторилъ задумчиво Корнелисъ. — *Гейнрихъ Бакеръ изъ Эссеквебо;* мужъ покойнаго моего друга — Эмиліи! продолжала Эрнестина. О! подай, подай скорѣе письмо его.» И она принялась читать письмо со всею живостію Креолки. Мужъ ея наблюдалъ за дѣйствіемъ, которое письмо сіе произведетъ на Эрнестину. Гейнрихъ Бакеръ увѣдомлялъ своего друга, что онъ, вслѣдъ за письмомъ, посылаетъ къ нимъ сына своего Виллема.... просить у нихъ руки Аньесы! «Жаль, а помочь нечѣмъ, сказалъ фанъ-Вестбарендрехтъ, значительно останавливаясь на каждомъ словѣ: ловкій Французъ всегда *опередитъ* нашего брата тюленя.» И не успѣлъ онъ выговорить послѣднихъ словъ, какъ письмо выпало изъ

рукъ Эрнестины. Слова мужа, въ первый разъ еще, со дня брака ихъ, показались ей какимъ-то косвеннымъ упрекомъ. Ихъ дѣйствительно можно было принять за намекъ на прежнюю жизнь Креолки. . . . . но у добраго Корнелиса и въ мысли небыло оскорбить свою безцѣнную Алину. Правда что любовь его была очень похожа на равнодушіе, и могла таковою показаться въ глазахъ другой женщины — не Эрнестины. Но если онъ былъ рабъ торговыхъ формъ и приличій, въ которыхъ онъ родился и возмужалъ, то этому было виною воспитаніе и обычай; если чувства его выражались конторнымъ языкомъ негоціанта, то при всей своей странности, сердце его было полно чувствительности, а душа его полна истиннаго благородства. Онъ намекалъ на невозможность осуществить любимую идею свою; мысль союза Виллема съ Аньесою; трактатъ

дружбы, заключенный въ младенчествѣ будущихъ любовниковъ Виллема и Аньесы, кукольнаго жениха и, такой же кукольной невѣсты. Теперь когда эти двѣ куколки пришли въ надлежащій возрастъ и можно было ихъ, съ-измала приготовленныхъ, ввести въ святилище брака, — вдругъ является какой-то злой волшебникъ, какой-то прекрасный баронъ, какъ бы съ неба упадшій, и разстроиваетъ всѣ планы ихъ, кружитъ голову куколкѣ Аньесѣ! Тутъ есть отъ чего взбѣситься и терпѣливому Нидерландцу! «Что намъ дѣлать теперь,» спросила съ робостію Эрнестина. — «Составить счастіе Аньесы,» сказалъ Корнелисъ съ твердостію, которой Эрнестина не ожидала отъ своего мужа. — «Но любитъ ли она барона?» продолжала мать. «Она сейчасъ назвала его *милымъ*, *добрымъ барономъ*,» отвѣчалъ Корнелисъ. — «Баронъ пріѣхалъ! баронъ пріѣхалъ!»

твердила радостно вбѣжавшая Аньеса и увидѣвъ, что она не одна: разкраснѣлась какъ алый тюльпанъ. Корнелисъ и Эрнестина вздохнули, и молча пожали другъ у друга руки. Вопросъ заботливой матери казался рѣшеннымъ. «Она любитъ его!» подумала Эрнестина. «Бѣдный Виллемъ! подумалъ Корнелисъ: бѣдныя надежды наши — жалкія мечты ума человѣческаго!» — Вдругъ загремѣли шпоры въ аллеѣ — явилось новое лице — Юфрау Роза: и она положа палецъ на губы, повторила слова Аньесы: «баронъ пріѣхалъ, я его видѣла въ аллеѣ.» Хозяйка дома привстала на встрѣчу гостю; всѣ члены ея дрожали, она оперлась на плечо своего мужа. Какое-то ужасное предчувствіе ее волновало. Обѣ половинки двери въ бесѣдную отворены служителемъ дома и вслѣдъ за вѣстовымъ его словомъ: «господинъ баронъ дАрдиньи!» — самъ баронъ во-

шелъ въ бесѣдную комнату. «Позвольте мнѣ познакомить васъ съ моею женою, сказалъ запинаясь хозяинъ дома.» — Счастливымъ почту себя, продолжалъ баронъ!... Но онъ не договорилъ своего привѣтствія. Звуки его голоса раздались громовою укоризною въ ушахъ Эрнестины: она вскрикнула и упала безъ чувствъ на близлежащее канапе. Все пришло въ величайшее безпокойство, все засуетилось; тревога была всеобщая. Къ Эрнестинѣ подбѣжала Юфрау Роза, Аньеса, Корнелисъ и самъ баронъ. У первой была на всякой случай съ собою баночка эфиру: какъ дѣвица *чувствительная*, она всегда боялась обмороковъ и нашла при себѣ лекарство отъ нихъ. Корнелисъ поддерживалъ Эрнестину, а Юфрау Роза давала ей нюхать эфиръ, Аньеса принесла Гофманскихъ капель и воды, баронъ наливалъ ихъ капля за каплей въ воду и успокоивалъ встревоженную

Аньесу. Въ эту самую минуту, Эрнестина приходитъ въ себя, открываетъ глаза и видитъ взоры барона нѣжно устремленные на ея Аньесу; слышитъ нѣсколько отрывчатыхъ словъ нѣжнаго сочувствія; нѣсколько другихъ словъ какъ бы служащихъ имъ отвѣтомъ и, собравъ послѣднія силы свои, въ изступленіи ужаса, бросается къ своей дочери, отрываетъ ее отъ барона и кричитъ ей дрожащимъ голосомъ: «прочь отъ него, дитя мое! цѣлый адъ раздѣляетъ его съ тобою!» Всѣ бывшіе въ комнатѣ затрепетали отъ этаго вопля ужаса, но всѣхъ болѣе баронъ д'Ардиньи. Звуки вопля сего ему знакомы: онъ гдѣ-то слышалъ ихъ, во снѣ или на яву. Но время измѣняетъ многихъ и изглаживаетъ многое изъ памяти нашей. Онъ узнавалъ и неузнавалъ Эрнестины. «Что это значитъ?» спросилъ жену свою встревоженный ея мужъ. «Маминька! душечка! ус-

покойся! говорила жалобно дочь: пощади себя и всѣхъ насъ.» Она считала мать свою съумасшедшею. . . . И было отъ чего! О! если бы она знала! . . . . «Ни слова болѣе! прошептала ей мать торжественнымъ голосомъ, союзъ твой съ нимъ невозможенъ.» — «Невозможенъ!» вскричалъ баронъ, и приложа руку къ челу своему, старался привести себѣ на память прошедшее. . . . «Алина! маменька! сестра! что ты хочешь сказать?» говорили въ одинъ голосъ Корнелисъ, Аньеса и Юфрау Роза. Судорожно выпрямилась несчастная Креолка и, схватя за руку дочь свою, вперила въ нее свои угасающіе взоры, указала на барона и, едва внятнымъ голосомъ, произнесла ей сіи ужасныя слова: «Аньеса!. . . Онъ твой отецъ! . . .» Отецъ! повторили всѣ присутствующіе и ужасъ оледенилъ сердца ихъ. «Режиссеръ Дидье!» вскричала Юфрау Роза,

всплеснувъ руками и выбѣжавъ въ аллею, послала за врачемъ. «Эрнестина!» вскричалъ баронъ. Онъ принужденъ былъ опереться о спинку креселъ возлѣ которыхъ стоялъ. «Боже! гдѣ я и что со мною? продолжалъ онъ, какъ бы воспоминая прошедшее: такъ вотъ разгадка непонятнаго влеченія моего къ Аньесѣ — живому подобію своей матери!... Но Богъ не попустилъ совершиться ужаснѣйшему изъ событій. . . . О! Эрнестина, прости меня; прости отверженнаго, который мечталъ пріютиться къ твоему чистому Ангелу, не зная бездны его раздѣлявшей! Не кляни память того, чьи будущія страданія отмстятъ ему сторицею за причиненное тебѣ горе!» И съ этимъ словомъ, онъ закрылъ руками глаза свои и безъ памяти бросился за двери. Этотъ крикъ пробудилъ умирающую. «Деркуръ!» лепетала Эрнестина. (Съ ней сдѣлался ударъ). «Дочь....

моя.... прости.... мнѣ.... свое.... рожденіе!... Корнелисъ.... великодушный.... другъ.... будь.... отцемъ моей сироты.... бѣдный.... Виллемъ!.... Аньеса.... Боже! пріими.... меня!...» Тутъ голосъ ея замеръ и взоръ ея совершенно угасъ. Она лишилась языка; у ней сдѣлалась икота и предсмертныя судороги. Напрасно добрый Корнелисъ, перепуганная Аньеса и возвратившаяся Юфрау Роза терли ей виски и руки, лили въ уста ей капли, давали нюхать спиртъ; всѣ старанія ихъ, всѣ усилія ихъ, не могли возвратить ее къ жизни. Безсмертная душа оставила бренное тѣло. Великая тайна смерти и воскресенія небыла уже тайною для отжившей. Передъ живыми друзьями Эрнестины, лежалъ одинъ охладѣвшій ея трупъ. Ужасную эту истину подтвердилъ имъ вошедшій медикъ. Только въ угодность имъ пустилъ онъ кровь пораженной аноплексіею; но

кровь не пошла. Процессъ перехода отъ жизни къ смерти былъ совершенъ. Такъ умерла злополучная *Креолка* — плачевная жертва соблазнителя — *Европейца.* Такъ первый проступокъ отозвался погибелью несчастной, послѣ пятнадцатилѣтней жизни раскаянія и слезъ. Но кто дерзнетъ роптать на неисповѣдимыя судьбы Божіи? Кто знаетъ, что ждетъ страдалицу за рубежемъ ея труженической, земной жизни. И можетъ-ли погибнуть созданное для вѣчности? Вспомнимъ разбойника на крестѣ, покаявшагося передъ Спасителемъ. Не ему-ли сказалъ умирающій Богочеловѣкъ, сіи приснопамятныя слова: «*Аминь! глаголю тебѣ, днесь со мною будеши въ раи!*» Что же значатъ всѣ житейскія страданія передъ наградой въ вѣчности?... Сколько утѣшенія въ мысли сей для усталаго труженика жизни?... Вѣчность радостей за минутное горе!!!...

—

Прошелъ годъ послѣ смерти злополучной Креолки.... А годъ времени, какъ извѣстно всѣмъ, уноситъ много слезъ и приноситъ много радостей. Тоже случается и на оборотъ. Такова судьба жизни. «Что такое печаль? — Что такое радость? Дурной сонъ на яву, — веселая денная греза! *Суета суетъ, всяческая суета!* Условное чувство мечтателей. Младенчество тѣшится игрушкою, и плачетъ когда ее отнимутъ; а не отними ее — она бы вѣрно ему наскучила. Точно также и у взрослыхъ: чины, ордена утѣшаютъ честолюбца; вино и пышный столъ пресыщаютъ лакомку. Такова судьба всего чувственнаго. За наслажденіемъ слѣдуетъ пресыщеніе, за ведромъ ненастье, за горемъ радость. Одна любовь къ добру и вѣра въ Бога доставляютъ намъ прочныя радости въ жизни сей, и награду въ будущей. Аминь!» такъ кончилъ 1-го марта 1811

года проповѣдь свою умный *Домине* (Пасторъ) новой Реформатской церкви въ Амстердамѣ. И величественные звуки органа огласили своды храма, вмѣщающаго въ себѣ простой памятникъ *Рейнскаго лебедя* (*) и бренные остатки Эрнестины Алины фанъ-Вестбарендрехтъ, урожденной Кардоль. Послѣ торжественнаго гимна пропѣтаго хоромъ, всѣ благочестивые прихожане разошлись по домамъ. Въ числѣ ихъ выходили послѣдними женихъ и невѣста, или какъ говорится въ Голландіи, прекрасная пара *возлюбленныхъ*. (**) Невѣста преклонила колѣна надъ гробомъ матери и молилась; женихъ взглянулъ на нее глазами той цѣломудренной любви, съ какою, нѣкогда, благочестивый и юный

(*) Царя поэтовъ Голландіи, безсмертнаго Фонделя.

(**) Beminde.

Товія любовался своею Саррою передъ бракомъ. Воспитанный въ первобытной, библейской чистотѣ нравовъ, благородный юноша мечталъ не о чувственныхъ наслажденіяхъ въ бракѣ; но о тѣхъ кроткихъ радостяхъ, которыя обѣщали ему невинность и добродѣтель его невѣсты; онъ видѣлъ въ союзѣ съ нею честный вѣнецъ своей дѣятельности, а въ избранной его сердцемъ и родителемъ, будущую подругу его радостей и печалей, будущую спутницу его жизни, будущую мать дѣтей, столько же цѣломудренныхъ и благочестивыхъ, какъ ихъ родители. — Послѣ краткой молитвы юной красавицы, она подала руку жениху своему, и оба отправились домой мимо ратуши Амстердамской. Подойдя къ сему палладіуму древней Голландской свободы, юноша вздохнулъ какъ патріотъ, вспомня что имя Голландіи исключено было изъ среды самостоя-

тельныхъ Государствъ Европы и сливалось съ именемъ Франціи. Но вслѣдъ за тѣмъ, другая мысль — столько же близкая его сердцу — промелькнула въ головѣ юнаго Нидерландца, и онъ ласково сказалъ своей прелестной спутницѣ: «Зайдемъ сюда, Аньеса, мнѣ нужно посмотрѣть одно объявленіе.» Они вошли и прочитали: печатную публикацію о своемъ бракѣ! «Такъ скоро!» сказала закраснѣвшаяся Аньеса. Онъ нѣжно взглянулъ на нее и продолжалъ свой путь. — «А развѣ мало ждалъ я моего счастія? Цѣлый годъ! цѣлый протяжный годъ изъ 12 мѣсяцевъ, изъ 365 дней!» Аньеса молчала, но пухленькая ручка ея прижала къ сердцу руку своего друга и красавица высказала ему этимъ безмолвнымъ пожатіемъ, что если годъ былъ для него протяженъ, то и для нее былъ онъ не короче. Читатели мои вѣрно узнали въ этой милой четѣ падчерицу

Корнелиса и жениха ея Виллема Бакера, которому наша юная Аморозина обручена была еще въ пеленкахъ.

Но что же сталось съ барономъ д'Ардиньи, прежде бывшимъ Деркуромъ, съ *Европейцемъ* — обольстителемъ Сенъ-Домингской *Креолки?* Вотъ вопросъ, который въ правѣ будетъ сдѣлать автору отчетистой читатель. Баронъ пропалъ безъ вѣсти; о немъ небыло ни слуху ни духу. Онъ не существовалъ болѣе для свѣта, въ которомъ отличался нѣкогда своими соблазнами, своимъ умомъ, своею храбростію и красотою. Онъ угасъ какъ блестящій метеоръ, помрачавшій многія звѣзды второй величины. Звѣзды мерцаютъ еще и теперь, а о немъ исчезла и самая память. Не у всѣхъ однако же. Воспоминаніе о немъ сохранилось въ тайникѣ дочернина сердца. Иногда украдкою отъ ближнихъ своихъ, Аньеса поминала несчастнаго отца сво-

его; не разъ завѣтное имя его срывалось съ робкихъ устъ прекрасной Аньесы и сливалось въ вечернихъ и утреннихъ молитвахъ ея съ именами ея отчима и злополучной Эрнестины.

Ровно черезъ двѣ недѣли послѣ описанной мною публикаціи, явились въ томъ же зданіи женихъ и невѣста. Имена ихъ въ третій разъ провозглашены были въ ратушѣ и публикаціи о бракѣ ихъ обнародованы въ главнѣйшихъ *каурантахъ* (газетахъ) Голландіи. Два *синдика*, (*) одѣтые въ черные тоги и длинные, распудренные парики, стояли передъ присутственнымъ столомъ. Одинъ изъ нихъ спросилъ по-очередно жени-

(*) *Sindicus*, по-Голландски Scherepe — есть названіе младшихъ членовъ Нидерландской ратуши, въ которой засѣдаютъ они вмѣстѣ съ бургомистрами: званіе Синдика соотвѣтствуетъ званію Ратсгера нашихъ Остзейскихъ магистратовъ, или Русскаго Ратмана.

ха и невѣсту, добровольно ли вступаютъ они въ бракъ, и когда оба они произнесли рѣшительное «*да!*» — другой Синдикъ прочелъ имъ увѣщаніе, читаемое Пасторами въ церквахъ, соединилъ руки новобрачныхъ *именемъ закона гражданскаго*, (*) и заставилъ ихъ росписаться въ метрической книгѣ. Потомъ взыскана была узаконенная пошлина и выдано печатное свидѣтельство о совершеніи ихъ брака. Тутъ принесли нѣсколько рюмокъ малаги и начиная отъ жениха съ невѣстою и родителей ихъ, всѣ пили *сладкое*, *брачное вино*, какъ *тостъ* (toast) будущаго благоденствія молодыхъ. Въ заключеніе разнесено было по чашкѣ шоколада и церемонія кон-

---

(*) Такъ совершается гражданской бракъ, въ странахъ, гдѣ введенъ въ употребленіе извѣстный кодексъ Наполеоновъ. По крайности такъ совершался бракъ сей въ Нидерландахъ въ 1810 году, во время первой женидьбы автора.

чилась. Новобрачные обнялись, члены ратуши сняли уродливые парики свои и черные тоги, и, переодѣвшись въ щегольское свѣтское платье, отправились какъ званые гости на пиръ къ *высокоблагородному господину Корнелису фанъ-Вестбарендрехтъ, командору Императорскаго ордена* de la Réunion (*). На крыльцѣ ожидали новобрачныхъ нѣсколько нищихъ поэтовъ съ *безсмертными* сонетами, въ которыхъ, по обычаю Амстердамскому, при каждомъ бракѣ вставляютъ новыя имена — и за которыя платится отъ далдера до червонца, смотря по состоянію молодыхъ. Внутри дома ждалъ ихъ великолѣпный ужинъ и балъ. Послѣ бала пошли новобрачные въ свою спальну. Гости поже-

---

(*) Названіе Лудовикова ордена de Unie (l'Union), послѣ временнаго присоединенія Голландскаго Королевства къ Французской Имперіи.

лали двумъ Гвіанскимъ друзьямъ столь же радостно отпировать на сватьбѣ своихъ внучатъ и уже брались за шляпы. Но въ эту самую минуту принесенъ былъ изъ конторы Гопе и компаніи, претолстый пакетъ. Въ немъ находилось завѣщаніе барона д'Ардиньи, убитаго на войнѣ съ Гверильясами Испаніи. Въ духовной было именно сказано: «упрочиваю и завѣщаю все мое имущество, благороднѣйшему изъ людей, второму отцу моей дочери, командору Корнелису фанъ-Вестбарендрехту, почитая себя недостойнымъ передавать его вмѣстѣ съ благословеніемъ своимъ незабвенной моей Аньесѣ.» Добрый Корнелисъ утеръ слезу умиленія и сказалъ: «баронъ не ошибся, препоручая весь *кредетъ* свой прямодушному Голландцу. Я передамъ его — какъ *дебетъ* любви — милой дочери моего сердца, только не сегодня. Сегодня мертвые не должны возмущать радостей

юной жизни. Молодые наши успѣютъ еще наплакаться въ этомъ мірѣ суетъ и страданій. Теперь друзья, продолжалъ растроганный Голландецъ, предложу я вамъ еще одинъ тостъ изъ Шиллеровой «Lied an der Freude» Искристое Аи напѣнило всѣ бокалы, и добрый хозяинъ, вставъ съ мѣста своего, произнесъ торжественнымъ голосомъ:

«Auch die Todten sollen leben.»

По знаку предсѣдателя пира, всѣ выпитые и недопитые бокалы полетѣли въ уголъ столовой залы и, къ величайшему соблазну Юфрау Розы, облили и запятнали во многихъ мѣстахъ драгоцѣнный коверъ. Послѣ этаго подвига, всѣ гости разошлись по домамъ. . . . Аньеса не была мечтательницею; но зато, жила счастливѣе матери съ своимъ мужемъ, если счастіе семейственное заключается въ мирѣ, любви и, спокойствіи совѣсти. Не кстатѣ ль будетъ здѣсь перевесть

эпиграфъ нашъ изъ Абрагама Ферёля: «пути провидѣнія неисповѣдимы; но благодатны? . . .»

КОНЕЦЪ.

W24

Deacidified using the Bookkeeper proc
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnolog
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVA
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS

WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
Sept.—Oct. 1987
We're Quality Bound

LIBRARY OF CONGRESS

00025325904